

ИРИНА
ФУЛЛЕР

ЭКСПЛЕТЫ

ЛЕВЕДИНАЯ
БАШНЯ

ПРИШЛО ВРЕМЯ СБЕЖАТЬ
ИЗ СВОЕЙ БАШНИ

Young Adult. Книжный бунт. Новые сказки

Ирина Фуллер

Эксплеты. Лебединая башня

«ЭКСМО»

2021

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Фуллер И.

Эксплеты. Лебединая башня / И. Фуллер — «Эксмо»,
2021 — (Young Adult. Книжный бунт. Новые сказки)

ISBN 978-5-04-118421-6

Из-за жуткого предсказания принцесса Омарейл провела в Лебединой башне двадцать два года. Вот-вот должен явиться принц, который ее вызволит, но в этой истории все по-другому. Спасать принцессу нельзя, да ей и нужно-то всего лишь одним глазком взглянуть на Астрар, столицу королевства. Правда, это только поначалу. Вскоре Омарейл начинает искать способ стать ученицей одной из школ. То, что никто не знает, как она выглядит, ей только на руку. Принцессе Ордора предстоит узнать, каково это — быть простой девушкой, кто претендует на ее руку и сердце и, главное, кто такие эксплеты.

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-118421-6

© Фуллер И., 2021
© Эксмо, 2021

Содержание

Пролог	6
I	7
II	24
III	37
IV	51
V	58
Конец ознакомительного фрагмента.	59

Ирина Фуллер

Эксплеты

Лебединая башня

* * *

Все права защищены. Книга или любая ее часть не может быть скопирована, воспроизведена в электронной или механической форме, в виде фотокопии, записи в память ЭВМ, репродукции или каким-либо иным способом, а также использована в любой информационной системе без получения разрешения от издателя. Копирование, воспроизведение и иное использование книги или ее части без согласия издателя является незаконным и влечет уголовную, административную и гражданскую ответственность.

© Фуллер И., 2021

© Оформление. ООО «Издательство „Эксмо“», 2021

Пролог

Двери закрылись наглухо, так, что в комнату из коридора не доносилось ни единого звука. Это к лучшему: ребенок мог проснуться от громкого голоса отца, от всхлипов матери, от увещевающих слов десятка мужчин и женщин. Долг и тщеславие закрыли эти двери, и открыть их могло лишь преступление. Этого не должно было случиться.

Младенец остался один.

I

Черная башня

«Крепость Орделион была построена как оплот возникшей династии Доминасолис на берегу полноводного Рейнфло, в самом сердце Ордора. Ее крепкие каменные стены ни разу не осквернила кровь врага, ибо власть монархов была крепче и вернее любой башни Орделиона. Лишь однажды за пять веков положение Короля пошатнулось, когда Урдрик Ужасный в 322 г. династии Доминасолис отверг право Совета Городов на вето и едва не развязал междоусобную войну. Урдрик трагически погиб во время обхода крепости, упав с Черной башни, после чего власть перешла его брату Вейду и порядок в Ордоре был восстановлен».

Пожелтевшие от времени страницы, на которых сухо описывались мрачные события давних лет, затрепетали в бледных худых пальцах Омарейл. Она отложила в сторону старый учебник истории и обошла массивный письменный стол, чтобы еще раз взглянуть на план Орделиона. Уже в который раз изучив путь от Часовой башни к Черной, она притянула к себе другой увесистый том, открытый примерно на середине, и впилась взглядом в текст.

«...после чего цареубийцы покинули замок, оставшись незамеченными для стражи. Королевская стража не была предана Урдрику, но именно в Орделионе были поставлены люди, которым Король доверял больше, чем кому-либо. Дарион по-прежнему оставался при Урдрике и лично отбирал стражников в замок. Я уверен, насколько может быть уверен человек, когда дело касается чужой души, что Дарион был по-настоящему предан Урдрику. Ходят слухи, что их связывали кровные узы, но у меня нет никаких тому подтверждений...»

Омарейл раздраженно пробежалась взглядом по строчкам, где старый летописец рассказывал об отношениях Урдрика с его ближайшим кругом, и ткнула пальцем в абзац, в котором говорилось о побеге цареубийц из-под носа у стражи. Здесь она снова начала вчитываться в каждое слово.



«Стража стояла на входе и выходе Последней стены, на площадках каждой башни, Северные Ворота были заперты, а на Часовой башне над ними всегда дежурили лучшие солдаты. С моря Орделион охраняли три небольших судна. Поэтому нам и по сей день неизвестно, как преступники смогли проникнуть на площадку Черной башни, убить четырех стражников и Короля, а затем исчезнуть незамеченными. Но вот что мне известно: в деле был замешан и Вейд. Последний все детство провел в замке и знает, должно быть, все его тайные ходы. Так, полагаю, убийцы и проникли в крепость».

Омарейл снова вернулась к изучению плана Орделиона. Где-то здесь, в Черной башне, должен был быть секретный ход, по которому можно тайно пробраться в крепость и так же тайно покинуть ее.

Еще три месяца назад она перерисовала все лестницы и площадки Черной башни на большой лист, чтобы дотошно измерить каждый поворот, каждый угол, каждую стену и выяснить, где прятался этот потайной ход. Но, увы, обычный план не раскрывал секретов.

Оставался один путь – получить самые ранние чертежи Орделиона, Первейший План, созданный еще до строительства. Тот содержал схему всех тайных лестниц, туннелей и ходов, но охранялся настолько надежно, что даже сам Король не мог ознакомиться с чертежами, не уведомив о том начальника королевской стражи. И пока что Омарейл в допуске к ним отказали.

Однако и летопись Доминасолис, книгу, в которую методично записывали все тщательно охраняемые тайны династии, ей дали не сразу. Омарейл не один день упрашивала мать принести ей том хотя бы на несколько дней. Если кто-то и мог смягчиться, так это она. Омарейл получила летопись на четверо суток, и за это время переписала ее всю. На исходе четвертого дня руки ее едва слушались, глаза болели, а сама рукопись заняла все страницы сборника сказаний и легенд Ордора: чтобы не вызывать подозрений заказом такого количества тетрадей, она взяла самый увесистый альманах в своей библиотеке и писала прямо поверх порядком выцветшего текста.

Раздалась мелодичная трель – звонок оповещал о том, что подали завтрак. Омарейл прошла через гостиную к изящной двери с цветочным орнаментом из малахита и яшмы, открыла ее и оказалась в передней комнате. Там на столике стоял поднос, накрытый серебряным куполом. Поворот рычага – и столик, негромко позвякивая приборами, проехал по рельсе в гостиную и остановился у обитой изумрудным бархатом кушетки. Хозяйка комнат тоскливо взглянула на высокие дубовые двери, за которые не выходила ни разу за свои двадцать два года, и отправилась завтракать.

Она мало внимания уделяла тому, что ела. Ее мысли были заняты устройством города. Она представляла себе сердце Астрара, просторную Площадь Салкан, что лежала за Северными воротами. Ее воображение живо рисовало залитые светом проспекты, разъезжающие по ним omnibusы и конные трамваи, торговые лавки с немислимыми товарами и куда-то спешащих людей. Последних ее мысленный взор рисовал хуже всего: это были лишь бесформенные пятна, одетые в самые разные наряды. Она никогда не видела живого человека; только собственное отражение в большом зеркале, да тайком добытые журналы и фотографии давали ей представление о том, как выглядели люди. И еще, разумеется, несколько портретов, что висели в ее комнатах, но те были лишь бледной тенью реальных личностей.

Покончив с завтраком, Омарейл произнесла в бронзовый громкоговоритель:

– Стража, я приступила к занятиям. Прошу меня не беспокоить.

Давно уже не было необходимости говорить об этом: за последние два года все обитатели замка привыкли к тому, что вплоть до обеда – в два часа – Омарейл уединялась в своих покоях и никого не принимала. Она последовательно приучала к этому все свое окружение.

Омарейл подошла к большому портрету на стене. Его Величество Король Ордора и Старший Патер Астрара Горг Златовласый смотрел на нее с укором. Омарейл впервые заметила, что взгляд деда был осуждающим и строгим, еще в шестилетнем возрасте. Тогда она решила, что портрет повесили сюда специально, чтобы, стоило ей задумать шалость, суровый лик Горга Златовласого заставлял ее одуматься.

Когда-то это работало, но те дни давно прошли.

Осторожно отодвинув портрет в сторону, она уставилась на дыру в кирпичной кладке. Проем был достаточно большим, чтобы хрупкая девушка могла пролезть в него. Сжав в руках порядком помятый серебряный нож, Омарейл залезла в каменную нору и взялась за дело. Вот уже шестнадцать месяцев это занятие являлось частью ее утреннего ритуала.

Кирпич хорошо крошился даже под мягким металлом, но дело все равно шло очень медленно. Если бы только у нее был хороший клин и молот! Но шум обязательно привлек бы внимание стражи. Да и заказ таких инструментов в комнаты вызвал бы ненужные вопросы.

Три часа монотонного занятия – и целый мешок наполнился строительным мусором. Омарейл оттащила его в оранжерею, где приоткрыла большое окно и принялась неторопливо выбрасывать обломок за обломком в бурное море. Не следовало выкидывать все разом, так как ветер мог унести мусор на соседнюю Птичью стену, или водный патруль мог обратить внимание на странности, происходившие в Лебединой башне. Омарейл нельзя привлечь внимание.

Порядком устав, она все же решила в этот день потратить на тайный ход немного больше времени, чем обычно, и вернулась в нору. Одно движение – и Омарейл поняла, что дошла до конца. Толщина стены составляла около семидесяти сантиметров, как девушка и рассчитывала, и вот она увидела заднюю поверхность холста. Ее предположения и здесь оказались верны: по плану именно на этом месте должен был висеть портрет Эйгира Доминасолиса, ее отца.

Бешеный стук сердца невозможно было унять ни глубоким дыханием, ни мысленным счетом до десяти. Все еще до конца не веря в свое счастье, Омарейл принялась осторожно убирать осколок за осколком, чтобы сделать отверстие больше. Предстояло еще много работы, но теперь, впервые за несколько месяцев по-настоящему ощутив запах свободы, Омарейл не чувствовала усталости.

Время обеда настало слишком быстро, но, едва услышав набившую оскомину трель, она поняла, как проголодалась. Столик на колесах проделал свой путь по блестящей рельсе, Омарейл поставила поднос на обеденный стол и с аппетитом съела все, что приготовили для нее королевские повара.

Вернув на место портрет Горга Златовласого, умывшись от грязи и пыли и сменив платье, она убрала с письменного стола все планы и книги и прошла в Комнату Встреч.

В это время в гостиной, спальне и библиотеке на втором этаже слуги наводили порядок. Омарейл же общалась со своим ближним кругом.

Первыми пришли родители. С ними разрешалось пользоваться зеркалом. Впрочем, зеркалом оно было только для нее. Король и Королева видели свою дочь точно через стекло. Так того требовало пророчество, и так они могли ухаживать за Омарейл, когда та была совсем малышкой. Специальные механизмы разрабатывались лучшими изобретателями Ордора, чтобы можно было менять пеленки, кормить и даже купать младенца, не находясь с ним в одной комнате.

– Из казны были выделены средства на строительство дополнительного корпуса Королевского госпиталя в Лебрихане, – делился Король. – Он будет располагаться за пределами города, но добраться туда можно на специально запущенном омнибусе. Инженеры уже показали мне проект, выглядит многообещающе. Вообрази, там появятся парк для оздоровительных прогулок и целое крыло – под детские палаты. С комнатой для игр и кукольным театром.

Омарейл скучающе рассматривала резной деревянный потолок, забыв на мгновение, что родители могли ее видеть.

– Ваше Высочество, – строго сказал отец. – Это не досужие толки. Это то, чему вы должны уделять пристальное внимание. Однажды принятие решений о распределении средств будет твоей обязанностью, Омарейл. И что ты будешь делать?

– Бериот позаботится об этом, не так ли? – с вызовом ответила она, понимая, что перечит Королю лишь от скуки.

– И Ордором будет править Советник!

Королева, почувствовав назревающую бурю, поспешила сменить тему, мягко заметив:

– Кроме того, Омаре́йл, мы много раз говорили тебе, что принцессе не пристало закатывать глаза. Даже если собеседник тебя не видит, ты должна сохранять осанку и благожелательное выражение лица. И ни в коем случае не вздыхать!

Подобные вспышки упрямства со стороны Омаре́йл не были редкостью, хотя со временем ее нрав и смягчился. Когда-то все считали, что во всем виноват переходный возраст. Недавно же она поняла, что сердила родителей намеренно. В глубине души она винила их в том, что они позволили предсказанию определить ее судьбу и навсегда заточить в башне.

Позже в тот день к Омаре́йл пришла Севастьяна. С кухней ей разрешалось говорить только через непроницаемую стену со встроенными в нее глиняными сосудами. Благодаря такой системе голос собеседника слышался так, будто человек находился в этой же комнате.

– Думаешь, ты могла бы достать для меня Первейший План?

Севастьяна рассмеялась.

– Ну знаешь, лучше бы ты попросила у меня луну с неба.

Омаре́йл пропустила это мимо ушей.

– Думаю, я знаю, как можно сделать это. Только представь, мы могли бы узнать про все тайные ходы замка...

– Зачем? Ну, предположим, я могла бы проходить из королевского корпуса в Лебединую башню в два раза быстрее. К чему это?

– Ну, где твой авантюризм, Севас? – с толикой раздражения спросила Омаре́йл, а затемпустила в ход свой главный козырь: – Ты же знаешь, как мне здесь одной скучно... Если бы мы получили Первейший План, а затем изучили все тайные ходы Орделиона, разве это не стало бы потрясающим приключением?

Тишина в ответ говорила о том, что Севастьяна готова сдаться. Она знала, что ею манипулировали, но никогда не могла противостоять этому.

– Только подумай, скоро ты выйдешь замуж и уедешь от меня. Возможно, это наша последняя шалость...

– Шалость! Если об этом узнают, мне так достанется! – недовольно отозвалась Севастьяна, но по чуть дрогнувшему голосу Омаре́йл поняла, что сопротивление было практически сломлено.

– Никому не нужно об этом знать, – продолжила она заговорщически. – Никто ведь не узнал про спортивный костюм, про пластинку Блудниц, про дамские романы, про фотографии Астрара...

– Ради Солнца, не напоминай мне об этом, у меня до сих пор руки дрожат! – воскликнула Севастьяна. – И это, вообще-то, совсем другое. Одно дело пронести к тебе контрабанду, другое – украсть самую охраняемую книгу в Ордоре!

– Мы не будем ее красть, Севас. Мы просто сделаем копию.

– Это государственная измена, – прошептала Севастьяна сокрушенно, и Омаре́йл представила, как ее сестра качает головой.

Омаре́йл легко находила себе оправдание.

Ее появления на свет ждало все королевство Ордор. Седьмого числа седьмого месяца 540 года Доминасолис у Короля Эйгира родилась дочь, наследница престола. Но не успели родители согреть малышку в своих объятиях, как произошло страшное событие, изменившее всю жизнь королевской семьи.

Госпожа Дольвейн, или Сова, как некоторые звали ее, едва взглянув на девочку, упала без сознания. Когда женщина очнулась – всего через полминуты – ее глаза почернели.

Как потом рассказывали все, присутствовавшие при этом, еще до того, как Сова смогла вымолвить хоть слово, каждого в комнате охватил ужас.

– Мое сердце точно пронзило холодом, – говорил главный придворный лекарь.

– Мне никогда в жизни не было так... страшно, – признавался Бармотон, начальник королевской стражи, могучий воин, отправивший за решетку бесчисленное количество убийц и воров.

Сова заговорила не своим голосом:

– Грядет страшная война. Тысячи падут мертвыми у стен Орделиона. Отцы и матери, дочери и сыновья оставят свои семьи и станут жертвами самой кровавой битвы за всю историю Ордора. Брат пойдет на брата, сын – на мать, ибо это будет гражданская война. Война страшнее, чем до Сола, нашего Первого Патера.

Никто из присутствующих не мог пошевелиться или вымолвить хоть слово. Все знали, что Сова способна видеть то, что не видят другие, угадывать правду за самой талантливой ложью и каким-то волшебным образом заставлять других верить в свои слова. Никто и на секунду не усомнился в том, что сделанное предсказание было Самым Настоящим Пророчеством. А к пророчествам в Ордоре относились со всей серьезностью.

– Ключ к миру, – продолжила Сова, – Омарейл Эйгир Доминасолис, дочь Афлейн. Покуда ни одна живая душа, кроме трех, не увидит ее лица, покуда она не увидит ни одного живого лица, покуда стена разделяет ее и Ордор, в королевстве будет мир.

Иногда Омарейл думала, что лучше бы Сова предсказала, будто от войны спасет смерть младенца.

Для наследницы престола были созданы самые лучшие условия. Пока она была малышкой, манеж, служивший ей кроваткой, прикреплялся к стене с двумя отверстиями. К отверстиям присоединялись длинные кожаные перчатки – только так родителям было дозволено ухаживать за дочерью. Они, наблюдая через зеркальное окошко, играли с ней серебряными погремушками, кормили при помощи фарфоровой бутылочки и давали коралловую соску с золотым держателем, если Омарейл плакала.

У принцессы всегда были самые лучшие, самые красивые игрушки. Ей регулярно читали книги, а когда она научилась читать сама – отстроили в ее покоях библиотеку. У нее были наряды и ленты, украшения и духи.

Но с самого детства девочка мечтала лишь о двух вещах: обнять родителей и покинуть свои комнаты.

Малышкой она думала, что так и устроена жизнь, что это совершенно обыкновенное дело – жить в одиночестве, никогда не покидать дом, не знать тепла человеческого тела. Но чем старше она становилась, тем отчетливее понимала необычность своего положения. И каждый раз перед сном она фантазировала, как могла бы, хотя бы на час, оставить свои покои, пройтись по замку, прогуляться по улицам Ордора.

Когда ей было двенадцать и Омарейл всерьез подумывала о том, чтобы выпрыгнуть из окна, ей предложили построить оранжерею. Пять месяцев шли работы, и вот в ее гостиной появилась еще одна дверь, которая вела в просторную комнату со стеклянными стенами и крышей. Снаружи все они были зеркальными, а изнутри Омарейл могла видеть небо, широкий разлив реки и каменные утесы, на которых возвышался Орделион. В оранжерее были посажены самые разные растения и сделаны дорожки, по которым принцесса могла гулять. Некоторые окна приоткрывались, позволяя ей ловить руками солнечные лучи.

К пятнадцати годам Омарейл будто бы смирилась со своим положением. Король и Королева все чаще говорили с ней о том времени, когда она сама станет править Ордором.

– После тебя престол унаследует тетя Акира. А через нее – Севастьяна, – объяснил как-то ее отец. – Она старше тебя на три года, поэтому, вероятно, по-настоящему твоими наследниками будут будущие дети Севастьяны. Как видишь, ситуация не так уж безрадостна.

Король сумел даже произнести это бодрым голосом.

– Это означает, что ты сможешь спокойно управлять страной, есть кому передать корону.

– Слава Солнцу! – язвительно откликнулась тогда Омарейл.

– Мы должны думать о будущем, оно принадлежит не только нам, – мягко включилась в разговор Королева.

Омарейл могла продолжить ехидно отвечать на слова родителей, но она понимала, что в этом почти не было смысла. Король и Королева находили в их положении не больше радости, чем она.

За эти годы она научилась смирению. Но это не означало, что она собиралась сидеть сложа руки. Взрослые яростно ограждали Омарейл от «тлетворного влияния» и скрывали от нее многие вещи, боясь «повредить психику». Сама же она живо интересовалась обычной жизнью, старалась узнать как можно больше о том, как был устроен быт простых людей. И более прочего ее интересовали отношения между людьми. Севастьяна тайком приносила ей запрещенные книжки, но и в них было мало жизни.

Огромной радостью для Омарейл стало изобретение и широкое распространение радио, которое провели к ней едва ли не первой в стране. Через красивый приемник из черного дерева она слушала спектакли, интервью и – с особым упоением – рекламу.

Но месяц проходил за месяцем, и принцесса начала впадать в уныние. Она достигла того возраста, когда другие начинают находить удовольствие в вещах, которых не найти в четырех стенах. Все в замке могли лезть из кожи вон, чтобы доставить в покои Омарейл лучшие игрушки, сладости, книги, музыкальные пластинки, наряды, косметику. Ее могли обучать лучшие умы Ордора. Но никто не мог подарить ей ощущение свободы и наслаждение собственной молодостью.

В свой восемнадцатый день рождения Омарейл приняла решение сбежать из Орделиона.

Разумеется, честь и любовь к родителям не позволяли ей просто оставить страну на произвол судьбы. О нет, она всего лишь решила тайно покинуть Орделион, одним глазком взглянуть на Астар, столицу Ордора, а затем вернуться обратно.

Да, это все равно нарушало условия пророчества. Да, это – теоретически – влекло за собой кровавую гражданскую войну.

«Но что, если никто не узнает? – думала Омарейл. – Как одна тайная вылазка может привести к ужасной бойне? Чтобы брат пошел на брата, а сын – на мать?»

Омарейл знала одно: как только она позволила себе, наконец, признаться в своем желании совершить побег, ее жизнь обрела смысл.

С тех пор, если внутренний голос и начинал нашептывать ей что-то, внушающее вину, она тут же заглушала его непоколебимой уверенностью, что имела право хотя бы раз в жизни поступить в своих интересах. Не думая о гипотетической и, возможно, несуществующей опасности. Если уж и было ей суждено всю жизнь провести взаперти, она могла себе позволить одну-единственную безобидную прогулку по Астару.

Последним аргументом было то, что ей предстояло править Ордором – а как она могла править людьми, если даже не видела ни одного живого человека? Разве можно стать хорошим монархом, не зная, чем живут подданные? Да, ей приносили газеты и журналы, с ней обсуждали значение тех или иных событий, но это – лишь молочная пенка на кофе. Сам вкус напитка был скрыт.

Прошло четыре года, прежде чем Омарейл по-настоящему приблизилась к исполнению своей мечты. Поначалу она размышляла о побеге скорее как о некоей возможности, не прилагая усилий к тому, чтобы осуществить задуманное. Затем она стала более серьезно изучать способы незаметно покинуть замок и так же незаметно вернуться в него. Долгое время это казалось чем-то невыполнимым, но маленький отрывок в учебнике истории подарил ей надежду.

Теперь ей требовалась помощь Севастьяны.

В семь вечера раздался звон колокольчика: это означало, что кто-то пришел к Омарейл с визитом. Она никого не ждала и потому немного удивилась. Убрав книги по военному делу – она готовилась к экзамену по этому предмету, – Омарейл прошла в Комнату Встреч.

– Ваше Высочество, – услышала она мягкий мужской голос и нахмурилась.

К ней наведалься господин Дольвейн, сын Совы, Советник Короля. А он редко заходил в гости без предупреждения.

– Бериот, что случилось? – спросила она прямо и услышала деликатный смешок.

– Мне, право, немного обидно, что вы, Ваше Высочество, считаете, будто я прихожу только по делу. Мне доставляет удовольствие просто беседовать с вами.

Омарейл подозрительно сузила глаза, но он, конечно, этого не увидел.

– Разумеется, Бериот. Так что случилось?

На этот раз он усмехнулся почти беззвучно.

– Госпожа Дольвейн заметила, что вы в последнее время проявляете особый интерес к истории. Она считает, это нужно поощрить.

Омарейл внутренне напряглась, но со всей доступной ей вежливостью спросила:

– Каким образом?

– Я принес вам несколько книг по истории Ордора. Редких книг. Полагаю, вам не доводилось читать ничего подобного. Я оставлю их в передней.

Омарейл поблагодарила за такую предусмотрительность, а он продолжил:

– Прошу, Ваше Высочество, если у вас появятся какие-либо вопросы, можете задать их мне. Я подробно изучал историю в университете и всегда питал к ней особые чувства. Вполне вероятно, я смогу дать вам ответы, которых не найти ни в учебниках, ни даже в летописи.

Омарейл закатила глаза. Разумеется, Дольвейны уже знали, что ей дали летопись Доминасолис! Пронырливая Сова и ее сын всегда были в курсе всего, что происходило в замке.

Что ж, почти всего!

– Спасибо, Бериот, вы с госпожой Дольвейн очень добры.

Снова мягкий смешок, тихое прощание, и Советник Короля исчез, будто его и не было.

Весь вечер Омарейл была занята учебой. Военное дело сменилось языком древних, затем полчаса ушло на чтение гамм – сложных семистрофных стихотворений, которые были очень популярны два века назад.

Когда же солнце село, в замке включили газовые светильники и произошла смена караула у ее дверей. Омарейл сняла со стены портрет деда. Она забралась в нишу и погладила рукой поверхность холста на той стороне. Пока что она не могла не только пролезть в проем, но и снять портрет изнутри. Желанная свобода была так близка: протяни руку – и она у тебя в кармане. Но Омарейл нужен был не секундный триумф, а упоительная сладость победы.

На следующий день к полудню она смогла открыть около четверти портрета. Это был хороший результат. А после обеда к ней снова пришла Севастьяна.

– Камера у меня, – вздохнув, сообщила гостя.

– Севас, ты мой герой!

– Я – дура, которая все время идет у тебя на поводу.

– Не говори так, ты – мать моих будущих наследников, – иронично отозвалась Омарейл.

– И каков же гениальный план?

– Проникнуть в специальное хранилище библиотеки и сфотографировать Первейший План. Затем – незаметно оттуда уйти и принести пленку мне.

– Как удачно, что ты увлекаешься фотографией и у тебя есть все, чтобы проявлять пленку и печатать снимки, – задумчиво произнесла Севастьяна.

Омарейл лишь хмыкнула, на что ее собеседница возмущенно воскликнула:

– И не пытайся убедить меня, что ты и это продумала заранее!

– Я не знала, зачем мне это может понадобиться, но была уверена, что однажды я захочу проявить что-то, кхм-кхм, нелегальное.

– Солнце и небо, этот человек будет править нашей страной!

Усевшись поудобнее в своем кресле, Омарейл сказала:

– Ладно, мне нужна пара дней, чтобы составить план, как именно ты проберешься в хранилище. От тебя понадобится кое-какая информация.

– Естественно, – недовольно отозвалась Севастьяна.

– А пока расскажи-ка мне, откуда Сова знает, что я читала летопись?

Из-за стены раздалось недовольное фырканье.

– Сова все знает.

– Ты общалась с ней недавно? – словно бы это не имело никакого значения, поинтересовалась Омарейл.

– Да, они приходили с Бериотом на чай.

Омарейл даже поднялась на ноги.

– Они с Бериотом приходили к вам на чай?

Она слышала, как Севастьяна вздохнула.

– Они делают это время от времени.

– Зачем?

– Знаете, Ваше Высочество, вы, конечно, живете здесь в некоторой изоляции, но даже вам должно быть известно, зачем люди приходят друг к другу на чай.

– Про людей-то я знаю, – в тон ей язвительно отозвалась Омарейл.

Севастьяна не захотела продолжать разговор и вскоре ушла, оставив Омарейл размышлять о возможных планах госпожи Дольвейн. Но времени у нее на это было немного, так как та сама пришла к принцессе с визитом двумя часами позже. Если Бериот заставил Омарейл лишь слегка насторожиться, то Сова вызвала неподдельную тревогу.

Она точно не знала, почему так не любила эту женщину: возможно, дело было лишь в том, что именно Совалия Дольвейн произнесла роковое пророчество. Так, по крайней мере, считали ее родители и Севастьяна, которые едва не боготворили Сову. Но Омарейл все же была склонна считать, что за ее неприязнью крылось нечто большее.

С Совой она общалась, как и с родителями, через зеркало. Именно госпожа Дольвейн была третьим человеком, которому было позволено видеть принцессу.

– Как ваши дела, Ваше Высочество? – Голос у Совы был мелодичный и обволакивающий.

Омарейл в разговорах с женщиной часто демонстрировала отсутствие интереса к беседе: так, чтобы это не выходило за рамки приличий, но все же было очевидно.

Вот и сейчас принцесса взяла в руки лалу, любимый музыкальный инструмент, и принялась тихонько наигрывать лиричный мотив. Лалу когда-то подарили ей родители. Простая деревянная дощечка чуть меньше обычной книги с рядом металлических язычков в руках Омарейл становилась источником волшебных мелодий.

– Спасибо, госпожа Дольвейн, – ответила девушка. – Прекрасно. Столько нового... – В последней фразе был неприкрытый сарказм.

– Слышу, вы в приподнятом настроении, принцесса.

– Как и всегда, – был мрачный ответ. – В связи с чем незапланированный визит, госпожа Дольвейн? Сегодня не третий понедельник месяца...

– Я прихожу по вторникам, – беззлобно отозвалась на язвительную шутку Сова. – Но сегодня почувствовала желание нарушить традицию. Какое-то предчувствие...

Омарейл сердито взглянула на зеркало, за которым сидела собеседница, но увидела лишь собственное недовольное лицо. Меньше всего в жизни она любила способности этой женщины предвидеть будущее. И как Омарейл ни старалась, она не могла держать рвущееся наружу раздражение:

– Что за предчувствие? В этот раз все-таки придется меня убить?

– Ваше Высочество, – с укоризной произнесла Сова, а затем, после небольшой паузы, сказала: – У меня есть неясное ощущение, что произойдет что-то нехорошее. Но не с вами.

Отложив лалу в сторону, Омарейл раздраженно постучала пальчиком по ручке кресла. Сова продолжила:

– Все так неопределенно, Ваше Высочество, но, кажется, кто-то из ваших близких в опасности.

– Вы считаете, я как-то могу помочь? – сардонически уточнила Омарейл.

– Да. Я чувствую связь с вами. Как будто бы вы – причина, по которой человек в опасности. Я понимаю, как странно это может звучать... но вы словно бы толкаете кого-то в пропасть.

Омарейл почувствовала, что ее сердце забилося где-то в горле. Ей стало страшно. Речь шла о Севастьяне.

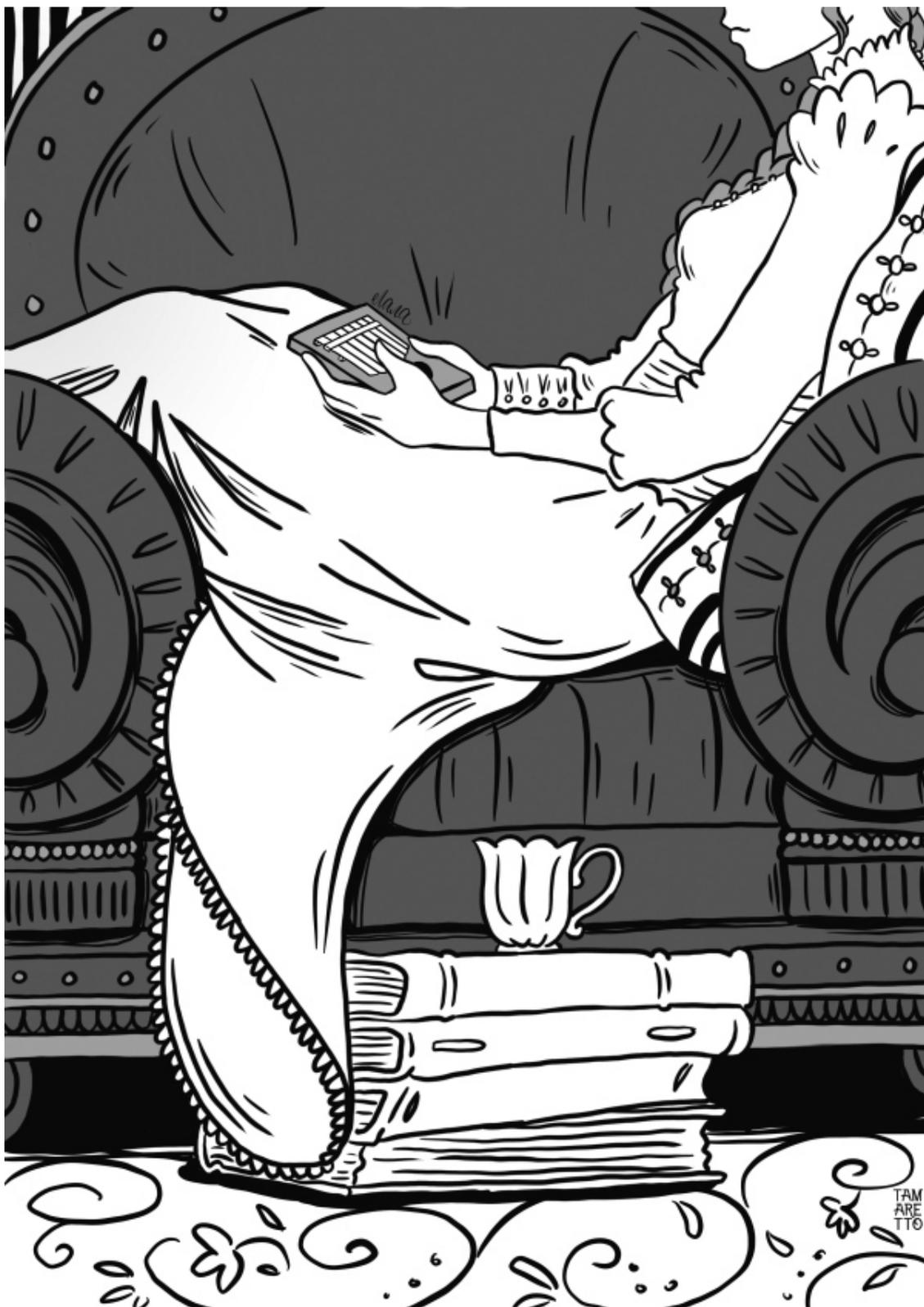
«Это государственная измена», – сказала она тогда. Если сестра попадется, ей действительно может угрожать тюрьма?

После нескольких секунд молчания Сова, принужденно рассмеявшись, сказала:

– Все это может оказаться полной бессмыслицей, Ваше Высочество. Возможно, мне лишь приснился дурной сон и теперь я придумала себе невесть что. Но я посчитала, что лучше прийти к вам и сказать об этом. Хорошо, если я ошибаюсь.

– Да... – с нотками растерянности в голосе ответила Омарейл, а затем, прочистив горло, продолжила: – Спасибо, госпожа Дольвейн, я учту.

Сова пожелала принцессе хорошего вечера и ушла.



Еще пару часов Омарейл обдумывала разговор с ней, и в ее голову начали закрадываться нехорошие мысли. Возможно, женщина действительно обладала уникальными способностями и невероятной интуицией. Но, возможно... возможно, она как-то узнала о планах сестер. То, что Севастьяна выдала ее, Омарейл исключала. Если она не могла доверять Севастьяне, не могла доверять никому.

А вот кое-что другое было более вероятно: очевидно, Комната Встреч прослушивалась и все, о чем Омарейл разговаривала с Севастьяной, доносилось Сове!

Но если так, как же госпожа Дольвейн допустила все предыдущие нарушения правил? Быть может, не считала их столь вопиющими? В этот раз дело оказалось действительно серьезным.

Как бы то ни было, Омарейл приняла решение больше не обсуждать вслух ни одного важного дела. Тем же вечером она подготовила три книги, которые собиралась вернуть Севастьяне. В верхней она спрятала письмо.

Через день вечером Омарейл получила в обмен сборник пьес в кожаном переплете, очень рекомендуемый к прочтению. В нем оказался ответ Севастьяны. С этого момента ими было решено все важные сообщения передавать друг другу в виде писем, спрятанных в книгах, пластинках и других вещах, которыми они обменивались.

От идеи с Первейшим Планом пришлось отказаться.

На пятнадцатый день Омарейл открыла тайный проход настолько, насколько только могла, не расширяя туннель. Дождавшись глубокой ночи, она забралась в дыру в стене и попыталась снять портрет отца, не наделав при этом шума. Но ничего не получалось: рама с той стороны была заметно больше, чем сделанный проем.

Омарейл вернулась в гостиную и огляделась. Ее внимание привлекла чугунная кочерга у камина. С ее помощью она все же сумела подцепить раму, приподнять ее и снять с креплений. Портрет был тяжелым, ее ладони вспотели, и Омарейл едва не уронила картину на пол. Стража тут же сбежала бы на шум, но в последнюю секунду Омарейл удалось схватить массивный багет и удержать его в руках, подцепив для верности снизу ногой.

Принцесса оказалась в коридоре. Хорошо изучив план, Омарейл знала, что, стоило ей пройти прямо и свернуть направо, как она оказалась бы у дверей, ведущих в ее комнаты, а именно – в комнату посетителей.

Налево уходил пустынный коридор Последней стены. Он соединял Лебединую и Черную башни.

В недавнем письме Севастьяна передала ей расписание караула. Судя по тексту, знания дались той не без труда. Омарейл была благодарна, что ее кухня не задавала лишних вопросов, иначе пришлось бы объяснять, зачем ей необходимо знать маршруты и часы обходов стражников замка.

Путь был свободен.

Тихо ступая по каменному полу, Омарейл уходила прочь от комнат, в которых провела всю свою жизнь.

В коридоре было мрачно и тихо, газовые светильники слабо освещали помещение, жадно предлагая лишь немного неровного желтого света. Омарейл казалось, что стук ее сердца эхом раздавался по всему замку. Но пока она не слышала звуков погони, поэтому продолжала свой путь.

Массивная дверь, которая вела в небольшой холл, была совсем близко, когда вдруг из-за окна рядом со входом в Черную башню послышались голоса. Она легко узнала их: разговаривали Сова и ее сын. Они шли по крытой галерее, примыкавшей к Последней стене со стороны двора, и не могли видеть Омарейл. И все же принцесса спряталась в нишу и постаралась не дышать.

– Она не готова, – донесся до нее вкрадчивый голос Бериота, но госпожа Дольвейн резко его перебила:

– Не говори чушь, она готова больше твоего. Не вздумай играть в благородство, сейчас не время для этого...

Продолжение диалога Омарейл не услышала, так как двое удалились на приличное расстояние. Дождавшись, пока сердце перестало колотиться, точно сумасшедшее, она отправилась

дальше – через холл, мимо лестницы, что вела на стену, к небольшой двери. Наконец, Омарейл оказалась в Черной башне.

Черная башня была небольшой и использовалась как связующее звено между разными частями замка. В ней не было комнат, лишь большие площадки с узкими окнами без стекла да лестницы. Если точнее – бесчисленное множество лестниц, логика расположения которых укрылась от Омарейл.

Спустившись пониже и убедившись, что просто вылезти из окна и оказаться на суше у нее не получится – самое низкое окно было на высоте десяти метров, – Омарейл достала из кармана сложенный вчетверо план башни.

Она методично исследовала пространство, измеряя портновским метром расстояния и толщину стен. Где-то должно было быть несовпадение. Где-то должен прятаться потайной ход.

Спустя час поисков она его нашла. В некоторых местах стены фактически были толще, чем значилось на плане. Но радоваться было рано: одно дело – найти потайной ход, другое дело – в него попасть.

– Я никого не хочу обидеть, – заявила ей на следующий день Севастьяна, – но ты сегодня на редкость скучный собеседник.

Омарейл вздохнула. Едва ли она могла объяснить, что не спала до самого утра, рыская по лестницам башни в тщетной попытке найти дверь в потайной ход. И что она так вымоталась, что едва не попала стражникам. И что она не смогла отоспаться в течение дня, так как за час до прихода Севастьяны господин Придворный Художник принимал у нее зачетную работу: «Натюрморт из стеклянных бутылей и гипсовой головы». На его написание ушло четыре часа – и все равно из-за спешки вышло довольно плохо. Господин Придворный Художник был крайне недоволен.

Вместо всего этого Омарейл сказала:

– Наверное, сегодня вспышки на солнце.

– Тогда я, пожалуй, пойду. Хочу успеть на спектакль в Королевском театре. Бериот сказал, что он просто потрясающий.

– Так прямо и сказал?

– Ну, он сказал: «Это была не бессмысленная трата времени». Что в переводе на общечеловеческий означает: «Просто потрясающий».

Омарейл фыркнула. Ей не понравилось, что Бериот давал Севастьяне рекомендации по просмотру спектаклей. Но, с другой стороны, должны же они были о чем-то разговаривать во время своих чаепитий.

Она отпустила двоюродную сестру, а сама, сообщив страже, что желает отдохнуть, отправилась спать. Той ночью она не нашла в себе сил снова отправиться в Черную башню.

На следующий день она пригласила к себе Бериота. Если он и был удивлен, то не показал вида.

– Я посмотрела ваши книги по истории, господин Советник. Очень интересные, спасибо.

– Рад служить, Ваше Высочество.

– Вы говорили, что, если мне особенно интересны какие-то периоды, я могу обратиться к вам – и вы подскажете, что почитать.

– Именно так. Огласите ваше желание, и оно будет исполнено, – негромко отозвался Бериот.

– Мне очень интересны кризисы королевской власти. – Омарейл старалась звучать серьезно и в то же время буднично. – Я бы хотела максимально подробно изучить период, когда умер Сол и за власть боролись его сыновья, эпизод с Урдриком Ужасным и кризис в 495 году Доминасолис.

– Я был бы рад выполнить для вас и более сложное задание, – неторопливо откликнулся Бериот. – Завтра же лучшие книги на эту тему будут у вас.

– Я имею в виду *максимально* подробно, Бериот, вы понимаете? Все, что есть, все. Записи, дневники, свидетельства. Возможно, стенографию допросов. Необязательно спешить, я готова подождать до послезавтра.

Мягкий смешок был ей ответом.

– Разумеется, Ваше Высочество, благодарю. Теперь я чувствую вызов в вашей просьбе.

Из-за предельно вежливого тона Бериота Омареил никогда не знала наверняка, говорил тот с сарказмом или же был искренен.

Тем не менее спустя два дня в передней ее ждал столик с возвышавшейся на нем стопкой книг, грудой свитков и фотографий. Последние, очевидно, были копиями исторических документов.

Омареил нажала на рычаг, и сокровища отправились по рельсе в ее комнату.

Она сразу же отложила в сторону то, что касалось Сола и кризиса 495-го – эти книги нужны были лишь для отвода глаз, – и полностью погрузилась в изучение документов, посвященных смерти Урдрика Ужасного.

Потратив на это целый день, выделив лишь час на Экономiku, Омареил недовольно отложила в сторону очередной документ.

Ничего. В этих бумагах и статьях не было ровным счетом ничего. В них даже не говорилось, что это было убийство, – так, несколько намеков, и все. Только в летописи откровенно сообщалось, что смерть Короля не была случайной, и даже указывалось, что в дело был замешан брат Урдрика, унаследовавший трон. Вейд.

Омареил вскочила на ноги и подошла к бронзовому громкоговорителю.

– Будьте добры, пригласите ко мне господина Советника Короля.

Ей пришлось ждать его больше часа.

– Прошу меня простить, Ваше Высочество, я был на совещании на другом конце Астрара. Дорога заняла много времени.

– Почему у вас совещания на другом конце города? Разве ваш рабочий кабинет не в замке?

– Мой брат, как вы знаете, директор школы. Мы обсуждали некоторые аспекты в сфере образования...

О, ей на самом деле было не настолько интересно!

– Хорошо, я поняла, – быстро сказала она, а затем с легко читаемой претензией в голосе продолжила: – Бериот, в книгах и документах, которые вы привезли, сказано, будто Урдрик Ужасный сам свалился с башни.

– Факт, который, я уверен, вызвал и его недовольство тоже, Ваше Высочество.

– Но это неправда! Ладно... Возможно, вы не должны об этом знать... Скажите, сможете достать мне дневник Вейда?

– Вейда Мудрейшего? Боюсь, это невозможно, как бы мне ни хотелось угодить вам. Дневники Королей находятся за семью печатями. Их можно вскрыть лишь в случае самой крайней необходимости. Требование Вашего Высочества немного недотягивает до этого статуса.

Омареил сникла, но затем, борясь с волнением, спросила:

– А дневники принца Вейда? Написанные им до того, как он стал Королем?

Судя по паузе, Бериот задумался.

– Это возможно. Я разумею.

– Моя благодарность будет безмерной, господин Советник.

– Не сомневаюсь в вашей щедрости, Ваше Высочество.

Еще три дня от Бериота не было никаких новостей. Но если Омарейл что-то и умела, так это ждать.

– Ваше Высочество, – неторопливое, спокойное приветствие заставило Омарейл нетерпеливо закатить глаза.

Хорошо, что Бериот этого не видел. Сделав над собой усилие, она в той же вкрадчивой манере ответила:

– Господин Советник, рада вас слышать. Надеюсь, у вас для меня хорошие новости.

– И да, и нет, Ваше Высочество.

«О, небо и солнце!» – мысленно воскликнула Омарейл. Стиснув зубы на несколько мгновений, она с принужденным спокойствием спросила:

– Что вы имеете в виду?

– Мне не удалось найти дневник Вейда. Его личные записи сгорели во время пожара в Вороньей башне.

Омарейл разочарованно откинулась на спинку кресла.

– Но, в качестве компенсации, я достал для вас дневник самого принца Урдрика. Возможно, вы не узнаете, как сложилось, что Вейд участвовал в убийстве брата, но сможете выяснить чуть больше о самом Короле и о том, что привело его к преждевременной кончине. Полагаю, эти знания будут вам также полезны.

– Бериот... спасибо, – выдохнула она. – Я думаю, это действительно достойная компенсация!

Довольный смешок и тихое прощание служили ей ответом.

За три дня Омарейл прочла все восемь пухлых тетрадей, исписанных сперва кривым, неуверенным, а затем все еще кривым, но уже достаточно твердым почерком. Она узнала много нового о реалиях того времени, прониклась симпатией к Урдрику и уже начала сожалеть о том, как сложилась судьба этого любознательного, активного мальчишки.

Урдрик был лидером от природы. В детстве он втягивал в свои игры всех ребят в округе: от знатных наследников первых семей до простых крестьянских детей. В юности очень увлеченно изучал стратегию, устраивал военные ролевые игры, где ему доставалась роль военачальника «героев», тогда как его младший брат, Вейд, командовал «врагами».

Как же вышло, что Урдрик вошел в историю как «Ужасный», а Вейд стал «Мудрейшим»? Урдрик с возрастом все больше утверждался во мнении, что власть монарха должна быть безграничной. Первые семьи, судя по всему, были к этому не готовы. А Вейд с энтузиазмом поддерживал высшее сословие, получив в ответ преданность и лестное прозвище. Впрочем, он действительно был мудрым, иначе Урдрик не был бы сброшен с Черной башни, и, возможно, монархия теперь была бы совсем другой. Вейд же вывел Совет Городов на совершенно новый уровень.

Но это все было лишь интересным чтивом. Омарейл планировала извлечь из дневников иную пользу – и ей это удалось.

Одна из записей – казалось бы, совершенно незначительная и обыденная – гласила: «Советник опять следил за мной. Наверняка доложил матери, что я пропустил музицирование. Мне кажется, что он знает про пятую лестницу, иначе как ему удастся всюду поспевать?»

Разумеется, Омарейл понимала, что речь могла идти о чем угодно, но интуиция подсказывала ей: это как-то связано с Черной башней. Она не стала откладывать дело в долгий ящик и ночью отправилась на разведку.

Ее путь до башни прошел без приключений, и спустя час с тех пор, как покинула покои, она обнаружила себя сидящей на каменной лестнице. Омарейл прислонилась плечом к стене и попыталась найти в себе силы продолжить поиск. «Пятая лестница» – очень размытый ориентир.

Она проверила пятую лестницу сверху, пятую лестницу снизу и, на всякий случай, соседние с ними. Но все это не дало никаких результатов.

С трудом встав и поправив убранные в косу длинные русые волосы, она на удачу начала обследовать пятые ступени каждого лестничного пролета. Лениво осматривая одну из них, на соседней принцесса вдруг увидела значок в виде буквы S. Тот был выцарапан на камне и едва читался – повезло, что взгляд Омарейл упал именно туда. В этот-то момент она и поняла, что приняла криво начерченную Урдриком букву за цифру. Подобравшись, как была, на четвереньках, к ступени, Омарейл начала судорожно ее ощупывать. Нажала на букву S, погладила ребро, постучала по камням. Но ничего не произошло.

Еще четверть часа, и Омарейл в отчаянии застонала. Стукнув от досады кулаком по стене, она вздрогнула, услышав тихий скрип. Камни от ее удара чуть шевельнулись, заскрежегав друг о друга. Готовая рассмеяться от счастья, она надавила на камни сильнее – и те поддались, с приятным звуком отъехав в сторону. Перед ней открылся проем.

В этот момент Омарейл стало страшно. Что, если она шагнет внутрь, проем за ее спиной закроется и она никогда не сможет выбраться? Она совершенно не представляла, что ждало ее впереди.

Она шагнула на одну ступень назад, и проем сам по себе закрылся. Требовалось стоять на ступени и нажимать на стену, чтобы тайный ход открывался, поняла она. Вот почему раньше она не могла обнаружить его: вероятнее всего, она проверяла это место, стоя на другой ступени.

Так или иначе, Омарейл нашла для себя ориентиры, который должен был помочь найти это место в следующий раз, и вернулась в свои комнаты.

Прежде чем прийти туда снова, Омарейл потратила день на множество важных дел. Она запросила у Бериота копию Великого Иетихона, свода законов, возникшего во времена Сола (это требовалось, чтобы Сова не узнала, чем на самом деле интересовалась принцесса); собрала сумку с фонарем, перекусом и водой в железной фляге; написала письмо о том, где ее стоило искать, и оставила его на кровати. Если ей суждено было застрять в потайном ходе Черной башни, уже на следующий день было бы обнаружено письмо – и Омарейл была бы спасена... Спасена, чтобы быть осужденной и, кто знает, возможно, отправленной за решетку за то, что поставила под угрозу мир в Ордоре.

Может быть, во имя Света, ее пожалеют и отправят доживать свои дни в Успаде, городе, неподалеку от главной тюрьмы Ордора, находящемся на самом краю земли. Туда отправляют всех неугодных государству людей.

Наконец, ночью, когда с визитами и учебой было покончено, Омарейл снова отправилась к S-лестнице.

Теперь она вошла в проем – и камни за ее спиной вернулись на место, оставив Омарейл в очень узкой нише, освещаемой неровным желтым светом переносного фонаря. Ниша также имела ступени, которые вели вниз, и Омарейл отправилась в свое опасное путешествие. Ее радовало отсутствие скелетов, так как это означало, что никто не умер здесь, оставшись навечно закованным в каменном мешке. Но паутина и пыль стали причиной нервной дрожи. Омарейл привыкла жить в чистоте, с насекомыми сталкивалась только в оранжерее, а паутину видела лишь в книжках. Но ощущение приближавшейся победы затмевало все неудобства.

Узкая лестница вызывала приступы клаустрофобии, Омарейл время от времени казалось, что проход становится уже, ей приходилось буквально протискиваться между стенами, и она очень боялась застрять. Но вот проем закончился тупиком, и это означало, что она как минимум смогла добраться до конца тайного хода, не оказавшись зажатой между гладкими камнями.

Ощупав стену, Омарейл надавила на нее, и камни поддались, отъехав в сторону. В следующее мгновение она ощутила на коже освежающий бриз.

От восторга, щемившего душу, ей захотелось плакать: перед ее взором открылся величественный вид на ночной Рейнфлю, Солнечную пристань с яркими огоньками, порт и Торговую сторону Астрара, за которой черными исполинами возвышались горы Монтабарду. Ступив вперед, она ощутила мягкую землю, покрытую высокой, выжженной солнцем травой. Не замечая слез, что текли по щекам, Омарейл прошла вперед по небольшому клочку земли – здесь встретил свой конец Урдрик – и, присев, восторженно коснулась блестящей в лунном свете поверхности реки. Чуть осмелев, она набрала в ладони воды и умыла лицо.

Вдруг какой-то неясный шум заставил ее насторожиться. Сердце Омарейл бешено застучало в груди. Оглянувшись, она увидела, что проем уже был закрыт. Звук меж тем приближался, и стало ясно, что искать вход в убежище поздно. Тогда она юркнула за небольшой куст и сжалась в комок, надеясь, что этого будет достаточно, чтобы остаться незамеченной. Простое серое платье, которое она надела в тот день, сослужило ей верную службу. Моторная лодка Водного патруля проплыла мимо, не обратив внимания на спрятавшуюся принцессу.

Когда опасность миновала, Омарейл позволила себе исследовать почерневшую от времени стену башни. Обнаружив на одном из камней вырезанную букву S, Омарейл нащупала удобную выемку, зацепилась за нее, потянула на себя – и проем открылся.

Стоило ей отойти на пару шагов – и камни вернулись на место. Чувствуя, что кровь текла по венам быстрее обычного, Омарейл сделала несколько вдохов и выдохов, и осторожно прошла вдоль подножия башни, чтобы увидеть, куда вел этот кусочек земли. Не слишком предусмотрительно вдоль стены, соединяющей Черную башню и Часовую, были посажены кусты. Спрятавшись за ними, на четвереньках Омарейл скоро добралась до главных, Северных ворот замка и оказалась у Моста Солнца. Тот служил связующим звеном между островом, на котором был выстроен замок, и сушей. А там Омарейл ждал невероятный огромный мир. Ее манили улицы Астрара. Ее будто бы звали сотни голосов, доносившихся (или это ей только казалось?) с той стороны моста.

Но сейчас не время. Прогулка по ночным улицам столицы могла быть опасной. Стоило продумать путешествие более тщательно.

Без происшествий вернувшись в свою комнату, Омарейл легла в кровать, но сон долго не шел к ней. Ее мечта как никогда была близка к исполнению. Теперь все было реально! Оставалось предпринять несколько простых шагов – и Омарейл впервые оказалась бы в городе, впервые увидела бы человека, и впервые человек, «кроме трех», увидел бы ее.

Она была на волосок от того, чтобы совершить самое страшное преступление, которое только могла себе представить. И она ждала этого с нетерпением.

II Астрар

Омарейл проснулась с бешено колотящимся сердцем. Ей было трудно поверить, что она действительно собиралась совершить этот дерзкий поступок. Она, разумеется, знала, что ее жизнь разделится на «до» и «после». Именно поэтому ее волнение, от которого не проходила тошнота, а грудь и горло сжимались от судорог, было неумемным. Но она и представить себе не могла, как все ее существо начнет сопротивляться грядущим переменам.

Еще накануне дня побега она начала видеть «знаки», почти веря, что это сама судьба пыталась отговорить ее от рокового поступка. Чего стоило мгновение, когда она включила радио и из приемника раздалось:

– Она собиралась совершить самую страшную ошибку в своей жизни! Это был конец всего!

Радиоспектакль, с присущей ему драматичной подачей, едва не лишил ее сознания. А чуть позже отец во время своего вечернего визита вдруг заговорил о предсказании, чего он почти никогда не делал.

– Пускай нам выпало такое испытание, – сказал он, – но мы не должны унывать. Нет никакого толку сидеть и грустить о том, какая жизнь нам досталась. Мы королевская семья, нам от рождения не дано большого выбора. Однако мы с достоинством будем встречать свою судьбу и заботиться о жизнях наших подданных.

Сотни мыслей промелькнули в тот момент в голове Омарейл. Но никто не мог знать, что она замышляла, поэтому ответом Королю было просто согласное хмыканье.

– И когда ты станешь королевой Ордора, будешь править, как никто не делал этого до тебя. И неважно, что после на престол взойдут дети Севастьяны. Ты войдешь в историю. Тебя запомнят. Ты будешь самой блистательной правительницей нашего королевства.

– Как думаешь, какое прозвище мне дадут? – улыбаясь, спросила Омарейл, хотя на душе было паршиво. – Я бы хотела Блистательная, но Блистательной была королева Леофа, значит, этому не бывать. Но могу ли я рассчитывать на Великолепную?

– Вполне, – с добротой в голосе отозвался ее отец.

А Омарейл чувствовала ком в горле. Что бы он сказал, если бы узнал о ее замысле?

Но ничто из случившегося не могло заставить ее изменить план. Перед сном она взяла в руки лалу и начала играть одну из любимых композиций. Мягкие, чуть гулкие, волшебные звуки инструмента, похожие на мелодию из музыкальной шкатулки, сумели успокоить нервы Омарейл. Ложась в кровать, она размышляла о том, что все эти совпадения были лишь результатом ее бесконечных дум о побеге. Заведи отец такой разговор в любой другой день, она просто не придавала бы этому значения.

Завтрак в то утро остался нетронутым. Она едва дождалась минуты, когда смогла сказать в громкоговоритель: «Прошу меня не беспокоить». И вот в сторону был отодвинут портрет деда, Омарейл готовилась впервые покинуть комнату при свете дня.

Ей удалось без лишних трудностей добраться до Черной башни и попасть в потайной ход. Площадка у подножия замка при свете дня оказалась слишком открытой. Омарейл специально выбрала неброскую одежду, такую же серую, как ее длинные волосы, и удобную – никаких пышных юбок и плащей, только замшевые брюки и мягкий двубортный жакет со скромной графитовой блузкой под ним. Но даже это, казалось, не могло скрыть ее от чужих глаз.

Спрятавшись в кусты, она какое-то время выжидала. Мимо проплыла лодка патруля, и, едва та скрылась из вида, Омарейл ползком начала пробираться к Мосту Солнца.

Новое увлечение принцессы Ордора – мостостроение, – если и удивило кого-то из жителей замка, то никто не подал виду. В собственной библиотеке Омарейл книг, посвященных именно мостам, было ничтожно мало. Зато Берриот, невольно ставший личным библиотекарем Ее Величества, снабдил принцессу трехтомником «Мосты большие и маленькие», старым фолиантом «Мосты и их архитектура» с подробными гравюрами и главной находкой – «Как читать мосты» архитектора Бортерона Риджа.

Омарейл объяснила свое желание узнать все об устройстве мостов тем, что ей пришла в голову мысль построить пешеходный мост своего имени. Он соединял бы Торговую часть города со Спуском Зарати и проходил бы над жилыми кварталами.

Через две недели Омарейл могла описать конструкцию Моста Солнца по памяти. Она составила в голове подробный план, как попасть через ров на главную Площадь Астрара – Площадь Салкан с Домом Совета и Парком Девяти.

Каменная переправа через рукав Рейнфло в свое время считалась вершиной архитектурной мысли. Простоявший без капитального ремонта более четырех столетий, мост и сейчас поражал тонкостью архитектурной мысли и мастерством исполнения. Конструкция состояла из 476 известняковых блоков, пролет моста имел длину 30 метров и ширину 4 метра. Его основание надежно держала мощная опорная арка, перекинута с одного берега на другой. На ней располагалось восемь малых арок. Те были широкими и высокими там, где мост соединялся с сушей, к центру же они уменьшались. В месте, где встречались самые маленькие пролеты, был размещен позолоченный диск, символизировавший солнце. Сверху мост короновали каменные парапеты, славившиеся искусной резьбой, – они также представляли собой множество арок, но уже куда более изящных, дополненных ордерами и позолотой.

Расстояние между каждой пятой пролета было небольшим, как и толщина колонн арок. Это позволило Омарейл, чуть спустившись по практически отвесной скале, взобраться в первый пролет, и из него, хватаясь за выступающие камни, пролезть во второй, третий и оказаться в четвертом, где ей пришлось усесться на корточки. Там она зацепилась за парапет и, перескочив через него, попала на Мост Солнца. В теории это казалось пустяковым делом, но те секунды, что Омарейл пришлось пережить, пока она, цепляясь вспотевшими ладонями, перелезала с одной арки на другую, навсегда остались в ее памяти. И то, как она вжималась в посеревший от времени известняк, чувствуя его запах, дыша его пылью. И то, как старалась не смотреть на валуны, что обрамляли воды Рейнфло и были видны на дне – сквозь прозрачную воду. В этом месте река была совсем мелкой. Не такой, чтобы можно было перейти вброд, но такой, чтобы падение с моста, высотой двадцать метров, оказалось последним приключением в жизни.



Разумеется, Омарейл могла бы просто переплыть реку, но существовало несколько препятствий. Во-первых, замок был построен так, что в этом месте крутые каменные утесы не позволяли ни спуститься к воде, ни выбраться из нее. Плыть же от подножия Черной башни было тяжело, так как пришлось бы бороться с течением. Во-вторых, и это, пожалуй, было главной трудностью – принцесса, всю жизнь проведшая взаперти, не умела плавать. Жизнь в высокой

Лебединой башне научила ее не бояться высоты, но вот Рейнфло, бывшая границей ее тюрьмы, всегда вызывала трепет, граничащий с ужасом.

Оказавшись на мосту Солнца, не оглядываясь и не позволяя себе задуматься над собственными действиями, она суетливо пробежала к дорожке Парка Девяти. Одинокая фигура, шедшая от замка к Площади Салкан, не должна была привлечь излишнего внимания: передняя часть Орделиона была открыта для посетителей. Любой житель Астара и гость города мог пройти через главные, Северные ворота, увенчанные башней с часами, и оказаться в Нижнем дворе. С утра до вечера там былолюдно: кто-то приходил, чтобы оставить жалобу Королю, кто-то искал встречи с Советником, а кто-то просто любовался главной достопримечательностью столицы Ордора.

Омарейл шла вперед – не останавливаясь и не оглядываясь. Временами ей казалось, что она слышала крики стражи, но никто так и не нагнал ее, не разоблачил и не заставил с позором вернуться в замок. Вскоре дыхание Омарейл начало выравниваться. Страх уступил место эйфории.

Утром Парк Девяти был пуст. Шел четвертый месяц, и солнце в девять утра было еще низко, влажный воздух пах травой, пробуждающимися цветами и мокрой пылью. Золотая дымка наполняла аллеи, окутывала кусты и деревья. Казалось, еще немного – и среди бутонов можно будет увидеть сказочное существо, о которых Омарейл так много читала в детстве.

Впрочем, ей совсем не удалось насладиться прогулкой. Ее мысли были заняты лишь предстоящей встречей с людьми, ведь именно в этот момент должно было произойти то, от чего предостерегало пророчество.

Но, будто бы нарочно, вокруг было безлюдно и тихо. Омарейл гадала: заметит ли кто-то, что она не такая, как все? Поймут ли прохожие, что перед ними не просто девушка? Отличалась ли она от них или выглядела совершенно обычно?

Омарейл подошла к воротам, что из парка вели прямо к Площади Салкан и Дому Совета Городов. Площадь была просторной, с двух сторон ее огибала мощеная дорога, окаймленная узкими полосками тротуаров. В центре благоухал великолепный сквер с четырьмя уровнями клумб, поднимавшимися к памятнику – скульптуре Короля Сола, высеченной из черного камня. Ряды самых разных цветов составляли замысловатую композицию, украшенную небольшими фонтанами. В утреннем солнце позолоченные орнаменты на краю их чаш и шумные брызги воды блестели, точно драгоценные камни, слепя и в то же время не позволяя оторвать глаз. Зеленые ковры газона строго очерчивали границы сквера, утонувшего в вуали из света и переливающихся капель.

Засмотревшись на кусты пыльно-розовых пионов, Омарейл не заметила, как оказалась на проезжей части. Услышав резкий гудок клаксона, она отскочила назад. Мимо проехал автомобиль, его огромные колеса угрожающе закричали по мостовой, а извозчик сердито помахал кулаком. Несколько секунд Омарейл ошарашенно смотрела вслед удалявшемуся автомобилю, а затем из ее груди вырвался смешок. Не так она представляла себе первую встречу с живым человеком.

Следующая попытка перейти дорогу была более осторожной: Омарейл посмотрела по сторонам, убедилась, что поблизости не было транспорта, и пересекла улицу.

По тротуару навстречу ей шла женщина. Сердце Омарейл будто бы застыло, забыв, как стучать. Она не знала, куда смотреть: то ли вперед, будто не было ничего необычного в такой встрече, то ли на женщину, которую ей хотелось рассмотреть со всей внимательностью. Они приближались друг к другу, десять шагов, пять... Было ли в облике Омарейл что-то, что выдавало в ней принцессу? Могли ли окружающие, лишь взглянув на нее, догадаться, что перед ними была наследница престола? Женщина прошла мимо, даже не взглянув на Омарейл, а вот последняя еще пару минут не могла успокоить участившийся пульс. Она одновременно вол-

новалась из-за произошедшего и в то же время чувствовала легкое разочарование. Она всегда думала, что такое значимое событие подарит ощущение торжественности момента.

Следом прошла еще одна дама в плотном жакете и длинной юбке с воланами. На ее голове была изящная шляпка с пером. Судя по строгому костюму, это была деловая женщина, шпившая на работу. А вслед за ней прошла высокая девушка в котелке с гоглами, длинном сюртуке и новомодных бриджах. Омарейл проследила за ней взглядом, удивленно отмечая особую манеру двигаться. Раньше ей и в голову не приходило, что люди могут ходить по-разному, хотя и слышала слово «походка».

Прохожие не обращали на скромно одетую девушку никакого внимания. У нее же шумело в ушах от невероятности происходящего.

Однако с каждым следующим человеком, шедшим навстречу, чувство новизны проходило, и вот Омарейл уже нашла в себе силы не разглядывать пешеходов как диких животных.

На той стороне площади возвышалось монументальное здание Совета Городов. Здесь проходили заседания Патеров девяти городов Ордора и их подчиненных – советников, помощников и тех, кто исполнял их решения.

Это было удобное расположение, так как Патеры могли быстро попасть во дворец, чтобы провести совещание с Королем или Советником. И каждый месяц после общей встречи один из них приходил в Лебединую башню и беседовал с принцессой. Так, совсем недавно у нее была встреча с Патером Нортастера, Илом Белорией, а месяцем ранее ее посещал Рон Тоберон из Клоустена. Как правило, разговоры с управляющими городов наводили на Омарейл скуку, хотя она и старалась изображать заинтересованность.

Здание Совета было величественным, оно внушало трепет. Гладкие, матовые стены были окрашены в холодный серый цвет. Постройка состояла из нескольких блоков: центральный представлял собой огромный куб, к нему примыкали блоки поменьше, к ним – еще меньше. На фасаде каждого блока располагались большие окна, увенчанные изображением солнца с длинными бронзовыми лучами. Внизу, вдоль фундамента шел пояс из бронзовых созвездий. Но больше всего внимания привлекали огромные часы с совой, символом Совета, на центральном фасаде. За их стеклянным циферблатом был виден механизм с гигантскими шестеренками.

В двойные деревянные двери главного блока с разных сторон стекались люди. Одни шли с улицы Короля Сола, другие – с улицы Всех Патеров.

Омарейл решила идти в сторону Храма Света. За монументальным Домом Совета начались обычные двух- и трехэтажные фахверковые дома. По широкой, вымощенной камнем улице Короля Сола ездили автомобили и повозки с лошадьми. По тротуарам уверенно шли по делам люди. Омарейл же была похожа на восторженного путешественника: неспешной походкой она двигалась в быстром потоке людей, рассматривая все вокруг. Она видела множество фотографий этой улицы, но могли ли замершие картинки сравниться с бурлившей реальностью? Все здесь жило, двигалось, менялось. Тут пекарь мыл стеклянную дверь, там цветочница выкладывала яркие тюльпаны в аккуратно сколоченные лотки, а ребенок катал на веревке большую деревянную лошадку.

Астар был городом, в котором заплутало солнце. Его свет лился по улицам, отражаясь от блестящих, отполированных тысячами ботинок, камней на тротуарах. Лучи играли с хрустальными украшениями на фонарях, путались в цветных стеклах магазинных вывесок, вспыхивали в витринах.

Наконец, Омарейл увидела заведение, которое она искала. «Ювелирная лавка» было написано на порядкем выцветшей деревянной панели над дверью, а в окнах висели таблички с рукописными объявлениями: «купим золото», «драгоценные металлы дорого», «скупка старого золота».

Ей оставалось лишь сдать свои украшения в ювелирную лавку и получить взамен деньги. Как это сделать, она слышала в радиоспектакле, поэтому сумела в самой обыкновенной манере обратиться к ювелиру, обменять два кольца и невозмутимо убрать в карман замшевый мешочек с монетами. Усатый мужчина все проделал молча, едва удостоив Омарейл взглядом. Она же волновалась и изо всех сил старалась молчать, чтобы не сказать лишнего.

Только выйдя из лавки и чуть отойдя, она достала одну монету и сжала ее в пальцах. Настоящие деньги. Золотой диск с изображенным на нем солнцем красиво переливался.

Омарейл долго думала о том, должна ли была ее первая прогулка по Астару быть короткой, чтобы не испытывать судьбу, или следовало получить от нее как можно больше. Ведь что-то могло пойти не так и первая вылазка в город могла оказаться последней. Решив, что раз уж она рискнула благополучием всего королевства и пошла против пророчества, было бы правильно сделать этот день незабываемым.

Омарейл увидела, как многие покупали напитки в глиняных стаканчиках в окошке при кондитерской под названием «Кофейная мастерская Лефу». Она тоже подошла туда. Покупатели передавали продавцу свои стаканчики – и получали их обратно полными кофе.

– А где взять стаканчик? – произнесла она вслух скорее по привычке.

Она нередко разговаривала сама с собой, чтобы не чувствовать себя одиноко. Совершенно неожиданно для Омарейл, молодой человек в очереди обернулся к ней и ответил:

– Его можно купить, если нет своего. Три соля.

К счастью, он не смотрел на Омарейл, иначе его могла удивить реакция на такой простой ответ. Она же еще около минуты смотрела на его затылок, не имея возможности даже пошевелиться. Он просто взял и заговорил с ней! Он был так близко! Она чувствовала, как от него пахло чем-то терпким, с нотками трав.

С трудом справившись с удивлением, она достала из мешочка четыре соля и купила на них глиняный стакан, наполненный кофе с молоком и ореховым сиропом, и кусочек рассыпчатого печенья.

Она шла по улице, залитой солнцем, пила горячий бодрящий напиток и любовалась городом. День был прекрасен. И только мысль о последствиях этой прогулки омрачала радость Омарейл.

Внезапно огромная тень накрыла улицу, медленно заволакивая все вокруг, и Омарейл запаниковала. Она понимала, что наказание должно было настигнуть ее, но не ожидала, что это будет так скоро. Сдерживая дрожь, она медленно обернулась и подняла глаза к небу. Что ждало ее там – туча со смерчем, дракон с перепончатыми крыльями и огромными когтями, солнечное затмение? Чего бы она ни заслуживала, увидела Омарейл лишь дирижабль. Тот величественно проплыл мимо, позволяя солнцу вновь залить улицу. От чувства облегчения Омарейл рассмеялась, не обращая внимания на то, что на нее начали оглядываться прохожие.

Улица Семи Сестер, на которую свернула Омарейл, заканчивалась крутым поворотом, выйдя из-за которого она была вынуждена прикрыть глаза рукой. Площадь Храма Света была устлана огромными белыми мраморными плитами, такими же светлыми, как стены самого храма, отчего в солнечный день величественное белоснежное здание и прилежавший бесконечно длинный двор ослепляли зрителя.

Из-за гладких стен и строгих геометрических форм храм напомнил Омарейл гигантскую пастилу. Две тонкие, вытянутые островерхие башни были совершенно одинаковыми, точно смотрелись друг на друга в зеркало, соединял их куб, стены которого были сплошь покрыты окнами из голубоватого стекла. Оконный переплет – диагональный, благодаря чему рисунок окон был усеян ромбами, и казалось, что в них встроено не просто стекло, а большие бриллианты.

Слева и справа площадь обрамляли две прямые колоннады, за ними были видны фасады жилых домов, отгороженные черной кованой решеткой.

В центре площади стоял памятник, представлявший собой плоскую стелу из стекла и бетона – конструкция, все еще считавшаяся новаторской, а уж двадцать семь лет назад и подавно показавшаяся всем футуристичной и весьма спорной. Выглядела стела так, будто прямо из мраморных плит вырвался столп бетона, постепенно перешедший в стекло – и так и застывший посреди идеально гладкой блестящей поверхности. Матовый бетон по задумке автора представлял собой основу государственности Ордора, Короля или Королеву. Надежная опора, мощная база, связь которой с Советом Девяти не имеет четких границ. Стекло олицетворяло Совет. Прозрачная, честная система управления, более хрупкая, чем власть Короля, и тем не менее имеющая огромное значение. Стеклянная часть была значительно выше, чем бетонное основание; это говорило о том, что обязанности и полномочия Совета зачастую были шире королевских. И все же без своей опоры стеклянная конструкция была бы слишком неустойчивой.

Памятник появился здесь в 535 году, за пять лет до рождения Омарейл, и был посвящен пятисотому дню рождения Совета Городов. Именно полтысячелетия назад Король Сол утвердил этот орган власти, велел внести запись о нем в Великий Иетихон – действующий и по сей день свод законов. В Совет входили Патеры девяти крупнейших городов Ордора. Каждый Патер жил и работал в своем городе, служа народу и заботясь о процветании своего родного края. Но раз в месяц они съезжались в Астрар, чтобы обсудить государственные дела и принять важные решения путем голосования. Совет был настолько могущественен, что мог даже оспорить указ Короля. Именно поэтому он имел высокую значимость, и именно поэтому жители королевства очень внимательно подходили к выбору Патера – ведь следующее за выборами десятилетие этот человек представлял их интересы в высочайшем собрании.

На стеклянной части золотыми буквами было начертано: «Каждый стремится, все вместе достигают».

На бетонном основании был высечен девиз Ордора: «Под солнцем процветаю», а под ним – солярный символ, круг с восемью волнистыми лучами, четыре длиннее, а те, что меж них, – короче.

Великолепие площади и храма оставили у Омарейл неоднозначное впечатление. Место было поистине красивым, но из-за огромных пространств даже многочисленные пешеходы не могли создать ощущения многолюдности и обжитости. Оно казалось заброшенным, отстраненным от всего мирского и вызывало неясную тревогу.

Позже Омарейл подумала, что причина заключалась лишь в том, что ее совесть была нечиста. Если бы ее помыслы и дела были так же безупречны, как гладкий мрамор площади, Храм Солнца запомнился бы ей своей ослепляющей и в то же время простой красотой.

Оставив это место, Омарейл отправилась к Театральной площади. Длинная улочка с жилыми домами, без магазинов и лавок, привела ее на большое открытое пространство, окруженное рядом трехэтажных домов с разноцветными фасадами. В центре площади располагалась сцена. Полукупол закрывал ее от возможной непогоды, а вот многочисленные ряды скамеек стояли без всякого навеса. Зато они были ограждены забором. Многие скамьи уже были заняты зрителями, явно ожидавшими начала представления. Омарейл прошла ко входу – небольшой калитке, около которой стоял скучающий охранник с пышными усами.

– Ну, что стоим? Билет покупать будем? – нелюбезно спросил он.

Она опешила. И в этот раз – не только оттого, что с ней заговорил незнакомец, но и от того, как грубо он начал с ней беседу. Омарейл не сделала охраннику ничего плохого, чтобы заслужить такое обращение. Но ответить подобающим образом она была не готова: ее горло просто пересохло, а язык прилип к небу, лишая возможности произнести хоть слово.

– Какой билет? – выдавила, наконец, она.

– Так эпизоды начинаются, – ответил охранник, не глядя на Омарейл.

– Эпизоды? – Полное недоумение в ее голосе заставило собеседника раздраженно вздохнуть.

– Ну, эпизоды. Что ж? Не видела никогда, что ли?

– Я из другого города, – нашлась Омарейл.

Охранника это удовлетворило. Он фыркнул и отвернулся. Однако, через несколько мгновений заметив, что она осталась стоять у калитки, он раздраженно спросил:

– Так что, билет покупать будешь?

Как же ей хотелось поставить его на место! Знал бы он, с кем разговаривал!

Но чуть подумав, она все же решила не привлекать к себе излишнего внимания. Не зная, что за «эпизоды» ее ждали, она все же купила билет и заняла место в третьем ряду. До начала оставалось десять минут, и вскоре все места были заняты, а кое-кто даже расположился прямо на земле. Справа от Омарейл села рыжеволосая женщина в простом платье из плотного материала, слева устроился молодой человек с копной волос пшеничного цвета. Он закинул ногу на ногу и сложил руки на груди, Омарейл показалось, что так мог бы сидеть не простой зритель, а привилегированный критик.

Женщина пахла хлебом. Ее руки видели много работы, были красноватыми и обветрившимися. Молодой человек пах апельсином, розмарином и ландышами. Казалось, теплый ветерок и ласковое весеннее солнце пропитали смуглую кожу. Его руки были крупными и жилистыми.

Омарейл не осмеливалась рассматривать своих соседей более пристально, хотя ей очень этого хотелось.

Наконец, на сцене появился мужчина в парадном одеянии: его темно-синий камзол был расшит золотом, цилиндр блестел на солнце атласной лентой, а ботинки оказались настолько начищенными, что в них можно было увидеть свое отражение.

Хорошо поставленным голосом он произнес:

– «Рамзет и Маледика». Эпизод восемнадцатый. «Открытие». В роли Рамзета – Лето Кастор. В роли Маледики – Шторм Эдельвейс. В роли Афилактиса – Око Вамир...

– Восемнадцатый, – проговорила Омарейл, вновь по привычке разговаривая сама с собой. – Видимо, это спектакль, состоящий из нескольких эпизодов. Как радиоспектакли, только на сцене.

Молодой человек медленно повернулся к ней и внимательно посмотрел.

– Ты с луны свалилась?

Омарейл смогла лишь покачать головой, пока ее взгляд был прикован к светло-голубым глазам юноши. Она никогда не смотрела в глаза другого человека – лишь в свои, в зеркале, и в своих серых глазах она не находила ничего интересного. В этих же, чуть прищуренных, виделось так много: добрый смех, искорка удивления, любопытство.

– В общем, смотри... – он чуть склонился к ней и зашептал, указывая рукой на сцену, – это – Маледика, она дочь влиятельного купца. Ее похитили воздушные пираты, чтобы получить выкуп, но ее спас Рамзет, который сам бежал с дирижабля и прихватил ее с собой. Она притворилась мальчишкой, и Рамзет считает, что пираты поймали ее, точнее – его, за кражу. Маледика считает, что Рамзет – охотник за головами. На самом деле он сын богатого купца. Сбежал из дома еще в юности, и теперь пытается самостоятельно пробиться в жизни. Что у него не очень получается. Они вместе направляются в Агру, каждый считает другого преступником.

Это был совершенно новый для Омарейл опыт. Она никогда не осознавала, насколько разные ощущения возникают при разговоре через стену и с глазу на глаз. Видеть мимику собеседника, чувствовать тепло дыхания, наблюдать за движением рук – все это делает разговор настолько красочнее, настолько эмоциональнее. Как наивна она была, полагая, что ее беседы с родителями и подданными были полноценной заменой живому общению. Казалось бы, диалог

– лишь обмен информацией, а голосом можно передать сотню эмоций. Но если вас с собеседником разделяет стена, вы многое упускаете.

Актерам на сцене быстро удалось завладеть вниманием Омарейл. Она любила радиоспектакли, никогда не пропускала «Школьные годы», растянутые уже на две сотни серий, часто слушала двухчасовые истории. Но визуальная составляющая столько добавляла к простому повествованию. Насколько иными были диалоги, в которых, помимо слов, были взгляды, жесты... Разве можно показать симпатию Маледика к Рамзету по радио, если все, что выдавало ее, – было то, как она тайком рассматривала молодого человека? Когда эпизод закончился, Омарейл аплодировала громче всех.

– Теперь он знает, что Маледика – не мальчик, а девушка, – прокомментировала она, ни к кому не обращаясь.

– Рано или поздно он должен был узнать об этом, – откликнулся молодой человек рядом с Омарейл, и она вздрогнула.

Как легко было забыть о присутствии других людей рядом, когда вся твоя жизнь прошла в одиночестве.

– У них будет романтическая линия, – предположила Омарейл.

– Ну, естественно, – ответил молодой человек, усмехнувшись. – Во-первых, сюжет тут, прямо скажем, не слишком заумный. Во-вторых, Шторм Эдельвейс в другом не играет.

Он кивнул на темноволосую актрису, что сейчас кланялась зрителям и с широкой улыбкой принимала цветы.

– Шторм Эдельвейс... – произнесла Омарейл задумчиво.

– Да-да, – скучающе кивнул ее собеседник, – «та самая».

– Она в «Школьных годах» недавно появилась, верно?

– Трудно найти популярный молодежный спектакль или эпизод, где еще не появилась Эдельвейс.

Молодой человек протянул к ней ладонь.

– Май.

Омарейл озадаченно посмотрела сначала на его руку, затем – на лицо.

– Полагается ответить рукопожатием и сообщить твое имя.

– Ах. Это тебя так зовут! – поняла, наконец, Омарейл, неуверенно сжимая кончики его пальцев.

По ее телу прошла легкая дрожь: она впервые прикоснулась к кому-то. Ладонь Мая была теплой и сухой. Ощущения в целом оказались приятными.

– Это первое твое общение с живым человеком? – уточнил тем временем молодой человек, высвобождая свои пальцы из ее.

Омарейл взглянула на него настороженно. Он не мог говорить серьезно, и все же...

– Ладно, странная девочка, представься уже, наконец.

Она обвела взглядом толпу, что покидала зрительские места, негромко обсуждая просмотренный эпизод. Ничто из увиденного не помогло ей придумать себе имя.

– Я не хочу, – ответила тогда она, и тут же пожалела об этом.

Даже столь неопытному в общении с посторонними людьми человеку было ясно: Май оскорбился.

– Но не потому, что не хочу разговаривать с тобой! – уточнила она поспешно.

Он взглянул на нее с удивлением.

– И почему же?

– Я и причину назвать не могу.

Несколько мгновений Май изучал ее лицо, затем рассмеялся.

– Ладно, надеюсь, ты не шпион. Потому что, если шпион, ты очень плохо подготовилась. Так нельзя, это абсолютный непрофессионализм.

Омарейл улыбнулась в ответ.

– Я не рассчитывала с кем-то знакомиться, – честно ответила она.

– Ты могла хотя бы соврать. Сказала бы, что тебя зовут Скамейка, и дело с концом.

Май с притворным осуждением покачал головой. Это рассмешило Омарейл.

– Пойдем, мы последние. Мне не нравится, как на нас смотрит охранник.

Он жестом предложил ей пройти вперед, а сам пошел следом. Оказавшись за ограждением, Омарейл остановилась и чуть растерянно взглянула на своего нового знакомого.

– Откуда ты? – спросил Май, беря инициативу в свои руки.

Она отвела взгляд.

– Ла-а-адно... что ты делаешь в Астараре?

– Гуляю, – с готовностью ответила Омарейл. – Я впервые в городе.

Рассказав Маю, что она уже успела увидеть, Омарейл согласилась на экскурсию к Школьному двору.

– Я сам учусь в Астардаре, – сообщил Май. – Это школа, которая расположена на Школьном дворе, самая большая в городе. Она считается одной из лучших в Ордоре.

– В Лебрихане лучшие школы в Ордоре, – заметила Омарейл.

– Верно, – язвительно отозвался Май, – именно поэтому я сказал «одна из лучших». Ты из Лебрихана?

Она смущенно улыбнулась и покачала головой.

Ей нравилось идти в компании с кем-то, хотя сперва было тяжело подстроиться под скорость, с которой шел Май. Она рассматривала его вьющиеся волосы, развевавшиеся на ветру. Кожу, покрытую ровным загаром, чуть обветрившуюся и, как она теперь знала, теплую, будто сохранившую впитанные лучи солнца. Глаза с длинными светлыми ресницами, смеющиеся, сверкающие.

– Здание довольно старое, – продолжил ее экскурсовод, – но его частично перестроили пятнадцать лет назад, а недавно сделали ремонт в западном крыле.

– Тебе нравится ходить в школу? – спросила Омарейл с неподдельным интересом.

– Нормально. – Май пожал плечами. – А тебе? И снова эта непонятная улыбочка. Ты можешь просто соврать, чтобы я не умирал от любопытства?

Она рассмеялась.

– Следующий год – последний, – продолжил Май, поняв, что не дожидается более ясного ответа. – Говорят, старший класс – тьма кромешная.

– А я хотела бы... – начала было Омарейл, но так и не закончила фразу, так как перед ее взором появилось огромное старинное здание.

– Астардар, – произнес Май с такой гордостью, будто сам возводил эти ворота из грубо отесанного камня и темного чугуна, строил краснокирпичные стены в два этажа и монтировал небольшие прямоугольные стекла в огромные окна.

– По фотографиям все выглядело совсем не так. Очень красиво...

Они прошли через высокие ворота с надписью «АСТАРДАР: СВЕТ ЗНАНИЯ» и оказались в большом прямоугольном дворе с огромной зеленой лужайкой, пышными кустами сирени и коричнево-красными стенами. Здесь находились несколько учеников и двое преподавателей, последних было легко отличить по синим накидкам.

Омарейл с жадностью разглядывала сценки из школьной жизни.

В самом центре лужайки молодые люди изображали дуэль на шпагах, используя линейки. Рядом с ними хихикали три девушки. Около ворот стояли две подруги и демонстрировали друг другу браслеты из ярких бусин. Несколько ребят сидели поодиночке, читая или делая записи в тетрадях. Кое-кто ел бутерброды или яблоки. На одной из дорожек учитель обстоятельно объяснял что-то двум ученикам, но те, казалось, не понимали ни слова. А другой преподава-

тель кричал что-то, высунувшись из окна, в то время как четверо мальчишек пинали мяч и совершенно его не слышали. Приглядевшись, Омарейл заметила, что это был не мяч, а глобус.

– Почему ты сейчас не в школе? – спросила она у Мая.

– Уроки закончились. – Он пожал плечами. – Ты думаешь, стали бы они показывать эпизоды в это время, если бы все были в школе?

– А-а, я поняла, – протянула Омарейл. – Их в основном смотрят школьники? И они сразу с уроков бегут на Театральную площадь?

– Именно так. А еще Шторм Эдельвейс играет там главную роль. И она тоже учится в этой школе.

– О, серьезно? Я подумала, она старше.

– Слава и деньги старят людей, – вздохнул Май с притворным сожалением. – Она в моем классе. О, проклятье! Уходим.

Но не успел он развернуться, как громкий голос окликнул его:

– Май Джой!

– Господин Дольвейн! – Май расплылся в широкой и неискренней улыбке.

Омарейл же в ужасе застыла. Сперва разум подвел ее, но спустя мгновение она поняла, кто сейчас приближался к ним: Дан Дольвейн, брат Берюта, сын Совы, директор Астардара. Высокий мужчина в длинном темном сюртуке выглядел воинственно и сердито.

Осознание того, как далеко она зашла, накрыло ее с головой. А ведь Сова могла появиться здесь в любую минуту: Омарейл не имела представления о том, как часто госпожа Дольвейн навещала своего сына. Учitando, что женщина не имела определенных рабочих часов, она могла делать это в любое время дня.

– Вы, господин Джой, должны были присутствовать сегодня на дежурстве, – повисла пауза, после которой директор весомо добавил: – Но вас там не было.

– Вы уверены, господин Дольвейн, что не увидели меня? – начал Май, хотя Омарейл – да и директору – было понятно, что он попросту выкручивался. – Потому что я смутно припоминаю, как был там.

– Паясничаете, господин Джой. – Складка меж темных бровей директора стала глубже, глаза смотрели недобро.

– Юмор – мой способ справляться со стрессом. А вы явно хотите втянуть меня в стрессовую ситуацию.

Омарейл было смешно слушать, как Май общался с суровым Дольвейном, но она старалась не подавать вида: не хватало еще, чтобы директор обратил на нее внимание.

– Вы сами втянули себя в стрессовую ситуацию, а сейчас усугубляете ее своим беспечным поведением. Я бы на вашем месте перестал рисоваться перед дамой и как минимум извинился за прогул.

Наконец, с лица Мая исчезла вежливая улыбка. Он действительно выглядел виноватым. Омарейл с уважением отметила то, как, не повышая голоса, директор парой метких фраз пристыдил весельчака.

– Извините за прогул, господин Дольвейн, – пробубнил Май.

Лицо директора немного разгладилось. Теперь он даже выглядел моложе, и Омарейл вспомнила, что брат Берюта был младше того на три года. Дану Дольвейну было тридцать, но из-за мрачного выражения лица и короткой черной бороды Омарейл в первые минуты дала бы ему не меньше сорока. Теперь же она видела, что это был довольно молодой мужчина с умными, чуть прищуренными глазами и широкими бровями, благодаря которым мимика его лица была очень выразительной.

– Вам вменяется три дополнительных дежурства на этой неделе, – сообщил директор и с вызовом поднял бровь.

«Попробуй возрази», – читалось на его лице. Май не посмел.

– Да, господин директор, – обреченно отозвался он.

– Можете быть свободны, – сообщил Дольвейн и выжидательно уставился на Мая. – Вы же куда-то спешили, когда заметили меня. Если не ошибаюсь, вашей последней фразой перед тем, как я настиг вас, было «уходим».

Май нахмурился, развернулся и кивком головы предложил Омарейл следовать за ним.

Он позвал Омарейл пойти пообедать в ближайшую таверну. По пути она спросила:

– Почему ты пропустил дежурство? У тебя не было никаких важных дел.

– Я хотел посмотреть сегодняшний эпизод. – Он пожал плечами.

От виноватого Мая не осталось и следа – он снова довольно щурился от яркого солнца и насвистывал себе под нос какую-то мелодию. Распахнув и без того небрежно накинутый поверх белой рубашки зеленый жилет, он непринужденно засунул руки в карманы.

– Значит, ты знал, что тебе достанется?

Он вновь пожал плечами.

– Что такого особенного в этом эпизоде, что ты готов был пожертвовать тремя следующими ради него?

– Я не думал, что мне дадут еще три дежурства! Я рассчитывал на что-нибудь вроде строгого выговора.

– Но, кажется, господин Дольвейн знал, что это будет слишком незначительным наказанием для тебя, и решил проучить...

– Да. Он у нас очень проницательный, клопов ему под подушку.

В таверне Май посоветовал Омарейл заказать «Шуструю Криветку». Завернутые в лепешку криветки с густым соусом пришлись ей по вкусу – королевские повара никогда не готовили ничего подобного. Когда обед уже подходил к концу, как и разговор о самых сложных темах в математике, к их столу подошла высокая девушка.

Сперва Омарейл заметила только длинные волосы цвета кофе и зеленое платье. Затем она обратила внимание на лицо с красивыми округлыми чертами и большими оливковыми глазами. Прежде чем она успела осознать, что уже видела эту девушку раньше, Май надменно поинтересовался:

– Шторм, тебе чего?

И Омарейл поняла, что это была Шторм Эдельвейс, актриса из эпизодов. Та надменно подняла бровь.

– Ну и манеры... – произнесла она чуть хриплым голосом.

– Мы, крестьяне, народ простой...

Шторм закатила глаза, а затем все же, тяжело вздохнув, томно произнесла:

– Ты, кажется, сказал, что не появишься больше ни на одном моем спектакле. Зачем сегодня пришел? Я не хочу тебя там видеть.

– Я подумал, что не смогу критиковать твою посредственную игру, если не буду посещать выступления, – иронично ответил Май.

Омарейл неприятно удивилась тому, как грубо – несмотря на дружелюбный тон – разговаривал Май с этой девушкой.

– И не сможешь раздражать меня, что более важно, – отозвалась Шторм. – Ведь в этом цель твоего жалкого существования.

– Ну, по-твоему, в этом цель всех, кто тебя окружает.

Шторм просто недовольно фыркнула, а затем перевела взгляд на Омарейл.

– А это кто? – спросила она, и грубость Мая вдруг перестала казаться такой уж вызывающей.

Омарейл изобразила на лице легкое недоумение, и Май рассмеялся.

– Кто ты? – обратилась Шторм к ней напрямую, игнорируя реакцию обоих собеседников.

Снисходительно улыбнувшись, Омарейл ответила:

– Мы с вами незнакомы, и едва ли будем, так что мое имя совершенно не имеет значения.

Почему-то она была уверена, что ее предельно вежливый ответ – несмотря на явную грубость Шторм – вызвал раздражение. Может быть, она поняла это по тому, как недобро сузились глаза собеседницы, может быть, по тому, как она сжала пухлые губы.

Омарейл не могла перестать восхищаться тем, какую палитру эмоций могло выразить лицо, как много говорили глаза. Раньше ей это было недоступно – хотя она видела себя в зеркале, смотрела тайком пронесенные Севастьяной журналы, где нет-нет, да можно было встретить сердитые или счастливые лица. Но лишь теперь, поговорив с живыми людьми, она поняла, насколько больше дает беседа с глазу на глаз.

Впрочем, голос и интонации тоже обладают большой силой, по ним Омарейл научилась хорошо чувствовать эмоции людей. Вот, например, присутствуя при разговоре двух, казалось бы, противников, она слышала, как чуть дрожали их голоса, выдавая волнение и стремление сдержать истинные чувства. Оба пытались выглядеть спокойнее, чем были на самом деле. Омарейл могла ошибаться, но ей показалось, что Май и Шторм не просто недолюбливали друг друга – их отношения были куда сложнее.

– Ладно, без разницы. – Шторм небрежно махнула рукой, а затем снова повернулась к Маю: – Хочешь – приходи на спектакли, хоть посмотришь, как это выглядит, когда у людей есть талант.

Она уже развернулась, чтобы уйти, хлестнув волосами тарелку Омарейл, но Май вдогонку ей бросил:

– Нет, спасибо, меня и сегодня чуть не вытошнило от ваших...

– Май, – прервала его Омарейл, и Шторм отправилась к своему столику, сделав вид, что не услышала последней эскапады. – Май, это уже лишнее. Если хочешь победить в словесной баталии, всегда держи лицо. Даже если противник пытается окунуть тебя в грязь, оставайся выше этого. Только так можно победить.

Май несколько мгновений внимательно смотрел на Омарейл, а потом скривился:

– Чуть собачья. Побеждает тот, за кем осталось последнее слово. А это может быть только тот, кого не призывают заткнуться посреди предложения.

Омарейл усмехнулась и решила не продолжать разговор на эту тему. Вдруг, опомнившись, она взглянула на часы.

– Луна и солнце! Мне нужно срочно идти.

Она выскочила из-за стола и замерла в нерешительности. Затем, порывисто обняв Мая, бросилась прочь.

– Так и не скажешь, как тебя зовут? – крикнул ей вслед чуть растерянный Май.

Она оглянулась через плечо, загадочно улыбнулась и выбежала из таверны.

III

Утесы Минли

Омарейл стала видеть совсем другие сны. Она и вообразить не могла, как ее жизнь изменится после побега из Орделиона. Думая только о гражданской войне и пророчестве, она совершенно не принимала во внимание свою человеческую природу. Однажды вкусив свободы, невозможно было и дальше оставаться в клетке.

Двадцать два года Омарейл могла лишь догадываться, чего лишена. Теперь она знала, и это знание не давало ей покоя.

Целый месяц она запрещала себе думать о жизни за пределами замка. Она сосредоточилась на учебе, много времени проводила в беседах с Севастьяной, читала книгу за книгой. Все что угодно, только бы не думать о манящих, залитых солнцем улицах Астрара.

А ведь они были так невыносимо близко. Омарейл знала, как без труда покинуть замок и как вернуться в него незамеченной. Никто бы ничего не узнал...

На тридцать третий день Омарейл позволила себе мысль о повторной прогулке.

– Каково это – быть обычным человеком? – спросила она однажды у Бериота, который, единственный из ее постоянного окружения, вел жизнь простого, хоть и знатного, гражданина.

– Довольно обычно, – отозвался Бериот.

– Ничего, что я назвала вас обычным? – уточнила Омарейл после паузы. – Вас это не обидело?

– Уверен, у вас не было намерения оскорбить меня, Ваше Высочество.

– Во имя неба! – воскликнула она, удивляясь его невозмутимости.

Позже Омарейл решила, что Бериот не знал ничего о жизни простого народа, так как всегда был отстраненным, замкнутым человеком.

– Вы в университете посещали вечеринки? – спросила она.

– Я учился, у меня не было времени...

– Я так и поняла, – перебила его Омарейл, еще прочнее убеждаясь в своих подозрениях.

Нет, Бериот ничего не знал о нормальности.

На тридцать пятый день Омарейл убедила себя, что в повторном побеге не было ничего страшного. Она уже сделала это один раз, и хуже быть не могло. Гражданской войны, если пророчество говорило правду, было попросту не миновать. На сорок второй ей в голову пришла мысль о том, как чудесно было бы не просто погулять по Астрару, но еще и поучиться в школе. Побывать на месте самого обыкновенного подростка. От этих фантазий ей сначала стало смешно, а потом страшно.

На пятьдесят четвертый день она перестала врать самой себе. Она всерьез решила выдать себя за школьницу. «Школьные годы», радиоспектакль, который она слушала каждый день, вкупе с воспоминаниями о ее визите в Астардар рисовали в воображении невероятный опыт, полный ярких впечатлений, новых знаний и удивительных знакомств.

Программа обучения принцессы Ордора составлялась самыми блестящими умами страны. Помимо основных наук в нее входило «Военное дело», «Управление государством», «Политика», «Морская навигация», «Быт и нравы граждан Ордора» и другие предметы, необходимые будущему монарху.

Теперь ей предстояло подать документы в Астардар и, возможно, пройти экзамены. Омарейл надеялась, что полученных на уроках знаний будет достаточно. Но для поступления в школу требовалось гораздо больше, чем просто умение решать задачи по геометрии и грамотная письменная речь.

Во время одного из чаепитий с Бериотом Омарейл спросила:

– А ваш брат ведь директор школы?

– Именно так, Ваше Высочество.

– Вы никогда о нем не рассказываете. Вы в хороших отношениях?

– В каких только могут быть два брата.

– Ему же тридцать? Не слишком ли он молод для того, чтобы быть директором? – Омареил старалась казаться слегка озабоченной благополучием главной школы столицы.

– Мне тридцать три, и я Советник Его Величества Короля Эйгира из династии Доминансолис. Не думаю, что три года нашей разницы делают его неподходящей кандидатурой для его должности.

Немного помолчав, Омареил сказала:

– Возможно, вы правы. Значит, по-вашему, он хорошо справляется? Ученики его любят?

Школа процветает?

– Да, разумеется. Если бы было иначе, я бы давно доложил вашему отцу о необходимости принятия мер в этом направлении.

«Ну, естественно, он бы доложил», – подумала Омареил, закатив глаза.

– А вы ведь с ним не в Астардаре учились? – спросила она, и ответ Берриота был лучше, чем она могла надеяться.

– Мы учились там в старших классах. До этого посещали академию Зарати.

– Почему вы перевелись из академии? – не унималась принцесса.

Она чувствовала, что Берриот рассказывал о школьных годах без желания, но ей было важно узнать ответы на свои вопросы.

– Это было связано с нашей будущей карьерой. Наш отец был Советником, поэтому мы имели право получать образование в академии. Но меня с детства готовили на эту должность, и, когда мне исполнилось тринадцать, родители сочли, что, как будущий Советник, я должен быть «ближе к народу». Я должен узнать, как живут «простые люди». Какие у них трудности, какие мечты, какие настроения...

Омареил быстро подсчитала в уме несколько цифр и задумчиво произнесла:

– Вам исполнилось тринадцать, когда мне было два. Ваши родители решили, что, если и будущая Королева, и будущий Советник будут оторваны от реальности, не представляя, чем живут подданные королевства, страну ждут неприятности.

– Именно так, Ваше Высочество, я не перестаю восхищаться вашей прозорливостью.

– Давайте отбросим никому не нужную лесть, Берриот, – эмоционально произнесла Омареил, не желая портить душевный разговор притворством.

– Никак не возьму в толк, Ваше Высочество, отчего все мои слова вы принимаете за ложь, лесть или попытку угодить вам, – произнес он совершенно спокойно, и Омареил пораженно замолчала.

Она никогда не задумывалась об этом. Если ей и доводилось высказать комментарий в подобном духе, Берриот никогда не опровергал ее слов. Это был первый раз, когда он возразил ей.

– Прошу прощения, Берриот, – искренне откликнулась она. – Я не хотела вас обидеть.

– Я ничуть не оскорблен, Ваше Высочество.

Повисла пауза. Омареил догадывалась, что сейчас он решит раскланяться и уйдет, но разговор был не закончен, и главные ответы еще не прозвучали.

– Что ж... – услышала она и громко, будто бы не заметила этого, спросила:

– И каково это – оказаться в Астардаре после привилегированной академии?

Раздался смешок.

– Именно так, Ваше Высочество, как вы сейчас выразились. Именно этот вопрос, но с куда большим презрением, задавали мне мои одноклассники. Я никогда не страдал тщесла-

вием, но любое мое слово или действие воспринимались как высокомерие и пренебрежение. Мое происхождение ставилось мне в укор, мое богатство высмеивалось.

Эти слова вызвали сочувствие в сердце Омарейл. Сглотнув, она спросила:

– А как вы попали в Астардар, просто перевелись или сдавали какие-то экзамены?

Она надеялась, что вопрос не звучал слишком неестественно и был вполне логичным продолжением разговора.

– Несколько бумаг оказалось достаточно. Я просто пришел к директору, и меня зачислили.

Омарейл сдержала острое желание попросить список необходимых документов. В конце концов, это она собиралась выяснить иначе.

– Наверное, та легкость, с которой вам все давалось, вызывала у других раздражение.

Бериот молчал с четверть минуты. Омарейл никак не могла понять, в чем была причина того, что он так долго подбирал ответ.

– Лужи – озера, когда следуешь чужим желаниям. Озера – лишь лужи на пути к истинному желанию сердца.

Она попыталась понять, что он хотел сказать, но тут же последовали слова:

– Я должен идти, Ваше Высочество, прошу меня простить. Ваш отец ожидает меня через пять минут.

И она осталась одна – допивать остывший чай и осмысливать случившийся разговор.

На следующий день к ней приходила Севастьяна, и Омарейл передала ей написанное накануне письмо с пухлой книгой о птицах Ордора. В своем послании она задавала несколько вопросов о Бериоте и Дане Дольвейнах, их учебе в академии и Астардаре, их карьере, родителях. Одним из вопросов был тот самый, интересовавший ее: какие документы требуется предоставить, чтобы перевестись в главную школу Астрара из другого учебного заведения. Омарейл надеялась, что замаскировала свой интерес достаточно хорошо. Севастьяна должна была решить, что расспросы принцессы в первую очередь касались семьи Дольвейнов.

Та именно к такому выводу и пришла. Через два дня она вернула Омарейл книгу, во время визита же достаточно эмоционально спросила:

– Кто-то разговаривал с тобой о Бериоте?

Это несколько озадачило Омарейл: она понимала, интерес был вызван вопросами в ее письме, но не могла взять в толк, что именно взволновало Севастьяну.

– Смотря что ты имеешь в виду, – осторожно ответила Омарейл.

– Как ты к нему относишься? – еще загадочнее спросила Севастьяна.

– Смотря что ты имеешь в виду. – На этот раз фраза была произнесена настойчиво и чуть раздраженно.

– Он кажется тебе достойным?

– Севас?! Достойным чего?

Омарейл вспыхнула, потому что знала: ее сестра могла продолжать в таком ключе долгое время. Севастьяна была способна туманно изъясняться и задавать наводящие вопросы целый час, прежде чем переходила к сути. На самом деле объяснить, что ее интересовало, зачастую можно было одной лишь фразой. Порой в своем занудстве она могла сравниться только с Бериотом.

– Значит, нет...

– Севас!

– Как ты думаешь, Бериот честный человек?

Омарейл закатила глаза, затем постаралась справиться со своим раздражением и ответила:

– О, небеса, – выдохнула она. – Ну, он политик, так что вряд ли. Но на мои вопросы обычно врать как-то бессмысленно. Да и подловить его на лжи мне так ни разу и не довелось. Так что лично я вруном назвать его не могу. А что?

– Да просто... они с Совой постоянно приходят к нам на чай. И я не понимаю, могу ли я верить ему.

– Ну, что, например, он тебе говорил, что вызывает у тебя сомнения? Скажи мне, и я попробую понять, похоже ли это на правду, – рассудительно сказала Омарейл.

Севастьяна замолчала.

– Он похвалил мою вышивку. Мне кажется, она была не так уж хороша. Я думаю, он просто хотел быть вежливым.

– Я видела, как ты вышиваешь, Сев. Отбрось сомнения, он точно врал.

Та рассмеялась, хотя Омарейл говорила правду.

– То есть ты считаешь, он хотел сделать мне приятное? – уточнила она будто бы с улыбкой в голосе.

– Смотря какая была ситуация. Если ты спрашивала его мнение, то он только пытался выкрутиться из неудобного положения и был вежлив. Если же он сам решил высказаться, то либо у него отсутствует вкус и он считает кривоклювых попугаев симпатичными, либо действительно хотел сделать тебе приятное.

Ответ последовал не сразу.

– Я научилась делать клюв ровно.

Омарейл усмехнулась.

– То есть теперь не кажется, что он у птицы на затылке, а крылья тем временем растут прямо из шеи?

В ответном письме Севастьяны была вся нужная информация. Для того чтобы претендовать на место в последнем, двенадцатом классе Астардара, требовалось принести директору паспорт и ведомость из предыдущей школы.

Омарейл и раньше понимала, что ей понадобится паспорт. Она уже размышляла над тем, как могла получить его. Первым делом она выудила у отца названия самых значных мест Астарара. Она сделала это под благовидным предлогом необходимости изучить – как будущей Королеве – все аспекты жизни столицы.

Затем она начала наводить справки о заключенных, что сидели в тюрьме за Успадом – городом «на краю земли». С этим ей помог Бериот, который принес список арестованных за последние три года и терпеливо отвечал на все вопросы, сопровождая каждый ответ почтительным «Ваше Высочество».

– Бериот, я велю страже и вас сослать в Успад, если вы будете говорить «Ваше Высочество» чаще, чем один раз в минуту.

– Да, Ваше Высочество, – отозвался он спокойно, но Омарейл отчего-то верила, что это была такая шутка.

– Ладно, кто у нас следующий?

– Око Балеин. Кража.

– Что украл?

– Деньги из посудной лавки.

– Взлом?

– Нет. – Раздался шелест бумаги. – Он там работал. Забрал все, что было в кассе, и ушел. Его нашли через три дня в Агре.

– Какие были доказательства?

Все это наводило на Омарейл тоску, но она должна была изображать, будто судебная практика Ордора вызывала у нее живейший интерес.

– Слова очевидцев, признание самого Балейна.

– Бериот, вам интересно то, чем мы занимаемся? – почувствовав невыносимую усталость, спросила Омарейл.

– Ваше стремление ознакомиться с действующей системой правосудия таким нестандартным образом кажется мне очень похвальным. Я рад, что в мои обязанности входит просвещение будущего монарха.

Омарейл закатила глаза. «Что за зануда!» – подумала она.

Первое время она невольно представляла себе Бериота таким, каким ей запомнился Дан Дольвейн. Высоким, статным, с ветром в волосах. Благодаря портрету Бериота она знала, что у Советника, в отличие от брата, были коротко остриженные волосы, остальные же черты – короткая черная борода, острые скулы, выразительные брови и хитроватые, лисьи глаза – напоминали внешность Дана. Однако, продолжая общение со старшим Дольвейном, Омарейл все острее ощущала эту разницу между рассудительным и мудрым Даном и невозможно вежливым, обдумывающим каждое свое слово Бериотом.

Но он был полезен ей, и потому они продолжали.

– Следующий.

– Ворон Бирон. Подделка документов.

Сердце Омарейл затрепетало. Наконец, слова, которые она надеялась услышать еще три дня назад, когда начались эти мучительные вечера с Бериотом!

– Как попался?

– Предлагал поддельные разрешения на торговлю.

– Кому?

Бериот зашуршал бумагами.

– Всем желающим, – выдал, наконец, он.

– В каком смысле? – нетерпеливо поинтересовалась Омарейл.

– Он разгуливал в порту и предлагал подделки всем купцам, которые прибывали туда на своих кораблях. Один из купцов сдал его королевской гвардии.

– Мне кажется, это было довольно глупо с его стороны.

– Разумеется, было, Ваше Высочество. Те, кто ведет себя умнее, не попадают.

Повисла пауза.

– То есть некоторых преступников мы не ловим, потому что они слишком хорошо замечают следы? – уточнила Омарейл.

– Это своеобразная игра, – отозвался Бериот. – Мошенники ищут новые способы нарушать закон. Гвардия ищет новые способы выявлять эти нарушения. Ей это удастся, самых медлительных ловят, остальные придумывают новый способ сделать вид, что являются законопослушными гражданами. И так продолжается изо дня в день. Это жизнь, Ваше Высочество. Одни убегают, другие догоняют.

В общем и целом Омарейл это было только на руку.

– Почему Ворон не пошел куда-нибудь в район Вольных Утесов Минли? Если бы кому-то понадобились поддельные документы, разве они не пошли бы именно туда? А так он, выходит, нарвался на добропорядочного купца, и его сдали. В Утесах ему такое бы не грозило.

– Пожадничал и запросил слишком много, более вероятно, – отозвался Бериот. – Мало кому есть дело до мелких жуликов, особенно купцам. Если что-то и вынудило этого человека сдать Ворона, скорее всего, это было желание проучить или скрыть собственные нарушения. Ворон же, я уверен, успел заработать круглую сумму прежде, чем попался. В Утесах Минли он мог ждать такого количества клиентов годами. Да и других жуликов там больше. Конкуренция...

Омарейл хотелось продолжить расспросы о Вольных Утесах, но она боялась вызвать подозрения. Бериот был умен, с ним стоило вести себя предусмотрительнее и осторожнее. Тем более что все, о чем они говорили, наверняка доходило до Сова. Чутье подсказывало Омарейл, что частые визиты Бериота в последнее время начались именно по указанию этой вездесущей женщины. Сова, должно быть, чувствовала, что происходило что-то неладное.

Еще два дня прошло прежде, чем в списках Бериота отыскался новый обвиняемый в подделке документов. На этот раз он был пойман именно в Вольных Утесах Минли, и Омарейл с трудом сдерживала дрожь в голосе, осторожно задавая вопросы:

– Неужели он просто разгуливал там с табличкой «фальшивый паспорт»?

– Полагаю, он избрал иной способ рекламы, Ваше Высочество.

– Но какой? Как его обнаружила гвардия?

– Его взяли с поличным.

– Но как они на него вышли? – не унималась Омарейл.

– Как правило, в таких местах все знают друг друга. Должно быть, Капитан Бармотон отправил в Вольные Утесы двойного агента, который выведет имена самых злостных нарушителей.

Капитан Бармотон был главой королевской гвардии. Пару раз в год он приходил к Омарейл, но разговоры у них совсем не вязались. Капитан был воякой, плохо подкованным в светских беседах. Однажды он рассмешил принцессу шуткой о своей отрезанной ноге, которая в конечном счете оказалась не шуткой.

– И как агенту это удалось? – принцесса продолжила допрос. – Никогда этого не понимала. Что агент делает, приходит и говорит, что он плохой парень и ищет знакомств в самых значных кругах?

За стеной некоторое время царила тишина.

– Это шутка, – уточнила Омарейл на всякий случай, а затем добавила: – Шутка, Бериот, это когда кто-то говорит что-то забавное, чтобы вызвать у других улыбку или смех...

Наконец, Бериот хмыкнул. Это означало, что ему было смешно.

И Севастьяна пыталась убедить ее, что этот человек интересный собеседник. С креслом можно было провести более эмоциональный диалог!

– Агент имеет свой набор инструментов, – ответил, наконец, Бериот, – которым его обучают в Академии Тайн. Какой из них он использует в каждой ситуации, мне, увы, неизвестно.

Омарейл почувствовала, что он говорил с большой осторожностью, поэтому не стала продолжать разговор. Ей пришлось проявить интерес к делу, связанному с невыплатой долгов, и устроить дотошный допрос о рукоприкладстве в таверне, чтобы отвести подозрения от главной темы. Целую неделю она не уделяла внимания делам, связанным с подделкой документов, а тех, как назло, было много. Но вот ей показалось, что снова заинтересоваться этим направлением было безопасно, и она спросила:

– Как они подделывают документы? Разве паспорта не печатают на особой бумаге, сделанной вручную, со слепой печатью, и прочее, и прочее?

– Разумеется, Ваше Высочество. Что означает, что любой, имеющий руки, может повторить это при должном уровне мастерства.

Омарейл не могла перестать удивляться тому, с каким терпением Бериот изучал с ней дела. Он тратил в день не менее двух часов, зачитывая ей имена, статьи обвинений, вид наказаний. Она не сомневалась, он находил это занятие более чем скучным. И все же в его ответах была лишь почтительность и сдержанная вежливость.

По крупицам Омарейл удалось собрать информацию о том, как можно было получить поддельный паспорт и при сопутствующей удаче подтверждение из другой школы об окончании одиннадцати классов.

Ей предстояло вновь покинуть Орделион, на этот раз чтобы посетить один из самых опасных и мрачных уголков Астрара, Вольные Утесы Минли.

Это место находилось вдали от замка на берегу Рейнфло, на том участке реки, где русло разветвлялось на два больших рукава. Правый рукав круто сворачивал на север, и именно здесь возвышались мрачные, почерневшие утесы. Сюда было удобно добираться по воде. На бугристом от огромных валунов берегу был пирс, от которого к ущелью шла широкая тропа. В ущелье еще задолго до появления династии Доминасолис была высечена лестница, ведущая на широкую смотровую площадку. От нее паутиной расходились улочки с угрюмыми от тяжелых крыш домами.

Омарейл покинула Орделион в восемь вечера. На Мосту Солнца было многолюдно, и никто не заметил, как она ловко вынырнула из-под моста. Она прошла к Парку Девяти, вышла через него к улице Короля Сола и спешно дошла до ювелирной лавки. В этот раз она почти не рассматривала пешеходов и тонущие в золоте вечернего солнца дома. Ее мысли были сосредоточены, а действия – скупы. Обменяв толстый браслет с драгоценными камнями и два широких кольца на деньги, она отыскала неподалеку фотоателье. Там ей сделали фотографию на паспорт. Это был ее первый снимок. Омарейл спрятала свой портрет в кожаный кармашек на португее и пошла к набережной.

Пристань, к которой она вышла, уже начала вязнуть в сизых сумерках. Очертания предметов становились мягче. Лампы, зажженные в кафе и на аллеях, делали улицы темнее и притягивали взгляды тех, кто не желал сдаваться во власть ночи.

Воздух был приятно прохладным, и он пах. Омарейл не могла описать эту симфонию: кажется, она чувствовала аромат травы, реки, металла, теплого камня, тонкие нотки ландыша и давящие ароматы – машинного масла, еле ощутимый запах земли и совсем уж не передаваемый словами запах города. Она никогда не чувствовала подобного прежде.

На набережной играла музыка. Идя вдоль пристани по высланной плоским камнем дорожке, Омарейл улавливала протяжные романсы в маленьком кафе, скрипку и фортепиано в ресторане с яркой вывеской, ударные с бубенчиками и гитарой – там, где выступали уличные артисты.

До нее доносился гул толпы. Множество диалогов и монологов сливались в единое жужжание. Все бурлило, вибрировало и жило.

Моторная лодка с криво написанным названием «Сестра», что мерно покачивалась на волнах среди себе подобных, привлекла внимание Омарейл. От остальных ее отличало наличие человека на борту.

– Извините, что беспокою, госпожа, – окликнула Омарейл женщину, что сидела, закинув ноги на штурвал.

Та подняла голову и с немим вопросом устремила на нее свой взгляд.

– Могли бы вы мне помочь? Мне нужно попасть к Вольным Утесам Минли.

Хозяйка лодки резко огляделась по сторонам.

– Что тебе там делать, малышка? – грубовато спросила она, поднимаясь на ноги.

Весь облик этой дамы был brutальным, мощным, сильным. Она была высокой, имела широкие плечи и коротко стриженные русые волосы. Одна прядь на подвижной челке была абсолютно седой.

Одежда ее выглядела порядком поношенной, но добротной. Куртка из черной кожи имела множество карманов и застежек и казалась не только теплой, но и функциональной. Впрочем, в металлических наплечниках со свисавшими с них цепочками было что-то щеголеватое. Юбке женщина предпочла брюки из плотного материала, которые были заправлены в мощные высокие ботинки с десятком заклепок. Это делало ее внешний вид еще более вызывающим, но Омарейл показалось, что хозяйка «Сестры» выглядела на удивление гармонично.

Весь ее образ говорил о постоянном движении, борьбе, отсутствии страха перед стихией, ибо она сама была стихией.

Омарейл сделала шаг ближе, чтобы иметь возможность говорить совсем тихо.

– Просто не знаю, куда пристроить эти золотые, – ответила она и чуть распахнула собственный темно-серый камзол, демонстрируя бархатный мешочек, привязанный к кожаному ремню брюк.

Женщина глядела на нее не больше двух секунд. Затем просто протянула руку.

– Я отдам вам деньги, когда мы будем подплывать к Утесам, – сообщила Омарейл.

Она слышала, как это происходило в радиоспектаклях, поэтому говорила твердо.

– Тогда можешь проваливать, деточка, – пожала плечами хозяйка лодки.

Омарейл растерялась. Такой реакции она не ожидала. Но сдаваться сейчас казалось слабостью.

– Что ж... хорошего вечера, – сказала она и медленно начала разворачиваться.

– Ну, стой, – женщина раздраженно вздохнула. – Половину высыпи сюда, когда будешь усаживаться. Вторую половину – у Утесов.

Омарейл взглянула на небольшой сундук, на который указывала женщина, и, сделав вид, что задумалась, медленно кивнула.

– По рукам, – согласилась она и быстро запрыгнула в лодку.

Когда первая часть оплаты была у женщины, судно тронулось. Его хозяйка по имени Буря ловко и будто бы машинально управляла рулевым колесом, легко выплывая из набитой прочими лодками пристани.

Спереди «Сестра» имела защитные стекла, обрамленные темной деревянной рамой, и навес. Основное же пространство с широкой скамьей у мотора было открыто небу. У штурвала было два сиденья – для капитана и одного пассажира, там-то и разместилась Омарейл. Но чтобы сидеть и видеть проплывающие мимо пейзажи, ей приходилось вытягивать шею.

Теперь, когда вокруг уже стемнело, Астарар выглядел по-настоящему сказочно. Больше прочего же завораживал Орделион. Величественный и неприступный, он казался несокрушимым.

Они плыли молча, лишь раз принцесса спросила, что за темные силуэты виднелись вдали.

– Сизые острова, – коротко отозвалась Буря, очевидно, не собираясь проводить экскурсию.

Впрочем, Омарейл и так знала, что Сизые острова находились в самом широком месте Рейнфлю, занимали совсем небольшую территорию и, помимо густого леса, умещали на своем берегу пару мелких деревень. Этот ориентир позволил Омарейл сделать вывод об их местоположении: они проплыли уже половину пути и до Утесов Минли оставалось не более пятнадцати минут. Ее это порадовало, так как с самого того момента, как ее нога ступила на палубу «Сестры», Омарейл чувствовала легкую тошноту.

Наконец, Буря пришвартовалась у пирса и тяжелым взглядом посмотрела на Омарейл.

– Надолго ты туда? – спросила она.

– Я точно не знаю, – ответила Омарейл.

– Могу тебя тут подождать.

Эти слова отозвались радостным трепетом в груди Омарейл. Буря поспешно добавила:

– Но придется доплатить за ожидание.

– О, конечно, я понимаю.

Она достала из кармана еще солей и отдала женщине.

– Остальное – когда вернусь.

Буря кивнула, задумчиво глядя на деньги, а затем крикнула вслед Омарейл:

– Если будут проблемы, скажи, что тебя у пирса ждет Буря! И что я буду искать тебя, если ты не вернешься к назначенному времени.

Омарейл обернулась и широко улыбнулась.

– Спасибо, это очень любезно с вашей стороны!

– Я не собираюсь на самом деле искать тебя, – мрачно бросила та. – Но если ты это скажешь, от тебя отстанут.

Поднявшись по каменным лестницам и оказавшись на смотровой площадке, Омарейл замерла в нерешительности. Наугад выбрав одну из улиц, она побрела по мрачному, почти лишенному света туннелю из грязных побеленных стен, низких крыш, сушившегося на веревках белья и кривоватых навесов.

На небольшом перекрестке возле шумной таверны она заметила одинокого мужчину с сигаретой в зубах. По мнению Омарейл, выглядел он достаточно прилично: кожаный плащ был чист и не имел прорех, замшевый жилет плотно сидел на фигуре и был подпоясан добротным ремнем с массивной пряжкой. Длинные волосы, хоть и грязноватые, все же были аккуратно убраны за спину. На вид ему было около сорока.

– Извините, господин, вы могли бы мне помочь? – обратилась она к незнакомцу, подходя ближе, и тот недоуменно взглянул на нее.

Его цепкий взгляд быстро оценил ее одежду и обувь: наряд был скромн, но все же выдавал в хозяйке человека не обиженного судьбой. Белая рубашка была идеально выбеленной и пошитой из плотного качественного хлопка. Кожаная портупея была сделана лучшими кожевниками. Серая юбка, из-под которой виднелись белые воланы нижнего платья, казалась простой, но выполненной по последней моде.

Чуть дольше он рассматривал ее лицо, будто что-то в нем могло рассказать о ее происхождении. Затем он ответил:

– Библиотека – на соседней улице.

Омарейл знала, что это была шутка, так как в Утесах Минли не было библиотеки.

– Это очень остроумно, и тем не менее... Я ищу друзей Барсука.

Она сразу поняла, что мужчина знал, о ком она говорила. Глаза его опасно сузились, тонкий рот сжался в совсем уж узкую линию. Он выкинул в урну сигарету и спросил:

– А ты кто такая, чтобы искать его друзей? Адвокат?

Это могло бы быть хорошей версией, но Омарейл выглядела слишком молодо, чтобы выдавать себя за его юриста. Барсук мог позволить себе опытного, надежного специалиста.

– А вы кто такой, чтобы спрашивать, кто я? Агент королевской гвардии?

Столь дерзкий ответ вызвал яростную реакцию: мужчина наклонился к ее лицу и процедил:

– Жизнь стала в тягость, глупая девчонка?

Омарейл стало не по себе. Спектр ее чувств нельзя было описать одним словом «страх». Она испытывала тревогу с самого того момента, как покинула комнату. Ее угнетала мысль о том, что она вновь нарушала условия пророчества и могла просто не вернуться с этой прогулки. Наконец, сердце гулко застучало у нее в горле от резких слов мужчины.

– Простите. Простите, если была груба. Все, что мне нужно, – найти друзей – кхм, коллег – Барсука, так как сам он мне помочь сейчас, увы, не может.

Да, мошенник уже был на пути в Успад. Вслед за ним могли отправить и Омарейл, попадись она сейчас блюстителем закона.

Мужчина отлепился от стены, на которую опирался, и обошел Омарейл кругом.

– Давай-ка проясним, дурочка... ты одна притащилась на Утесы. Ночью. Подошла к первому встречному мужику, который легко может оказаться маньяком-убийцей, и спросила, где можно найти «коллег Барсука», самых отъявленных мерзавцев и головорезов в Астраре?

Он смотрел на нее как на умалишенную. Она надменно вздернула подбородок.

– Я «притащилась» сюда ночью, так как мой интерес не стоит демонстрировать при свете дня, а место это, насколько мне известно, одинаково опасно в любое время суток. Подошла я

к вам, так как не представляю, каким образом могу вычислить среди обитателей этого района добропорядочного гражданина Ордора. У вас, по крайней мере, ружье не торчит из-под плаща. Наконец, я интересуюсь бандой Барсука, так как это единственный человек, о котором мне известно, что он занимается подделкой документов. Если у вас есть более утонченные знакомые, которые способны нарисовать мне фальшивый паспорт и школьное подтверждение об окончании одиннадцати классов школы в Агре с ведомостью, буду вам крайне признательна.

Мужчина прикрыл глаза, будто не мог поверить, что ему пришлось выслушать все это. Он ленивым жестом откинул полу плаща и упер руку в бок, таким ненавязчивым образом продемонстрировав собеседнице наличие револьвера на правом бедре. Но она не успела ни испугаться, ни съязвить: дверь в таверне скрипнула, послышались громкие голоса, и собеседник Омарейл, к ужасу девушки, вдруг схватил ее за плечо и куда-то потащил.

– Что вы!.. – попыталась воскликнуть она, но он затолкал ее в ближайшую подворотню и зашипел, очевидно, приказывая замолчать.

Опасливо выглянув из-за угла, он убедился, что все было в порядке, повернулся к Омарейл и выставил вперед указательный палец. Он хотел, чтобы его слова достигли ее сознания.

– Утесы Минли – опасное место для такой принцессы, как ты, – прошипел он.

От слова «принцесса» Омарейл едва заметно вздрогнула. Но ее собеседнику было не до того.

– А разгуливать здесь, спрашивая у каждого встречного, где найти банду Барсука, – прямой билет на тот свет. Ты просто не представляешь, как тебе повезло, что ты нарвалась на меня...

– У вас есть знакомые, которые занимаются подделкой документов? – радостно спросила Омарейл.

Он несколько секунд мрачно смотрел на нее, затем все же ответил:

– Нет, глупая девчонка, тебе повезло, что я не убью тебя. Убирайся откуда пришла и не суй свой нос в эти края.

– Но мне нужен паспорт! – упрямо возразила она.

Мужчина сделал пару шагов в ее сторону, определенно рассчитывая запугать ее своим внушительным ростом и суровым видом. Но Омарейл, как ни странно, почувствовала, что он не желал ей никакого зла.

– Трупам паспорта не требуются, – процедил он.

Омарейл пару мгновений переваривала услышанное, затем мягко произнесла:

– Как вас зовут, господин?

– Оставь свои королевские манеры и проваливай!

Она оглядела его непропорционально широкие плечи и сказала:

– Я могу звать вас Бугай.

– Это не мое имя, – недовольно отозвался мужчина.

– Но вы не представились и тем самым не оставили мне выбора, кроме как придумать вам имя самостоятельно.

Мужчина тяжело задыхался от клокочущего в душе раздражения.

– Меня зовут Пилигрим. А вас, надо понимать, Беспечность?

– Я, господин Пилигрим, сказала бы вам свое имя, – обманчиво мягко начала, а затем выплюнула: – Если бы у меня был паспорт!

Пилигрим вздохнул, взял себя в руки и принужденно спокойным тоном сказал:

– Госпожа Беспечность, знаете ли вы, что приобретение поддельных документов – наказуемое дело, за которое полагается ссылка в Успад? Если тебя не прикончат здесь и не сбросят в Рейнфло, то тут же поймут стражники.

Омарейл покачала головой.

– Это не так, мне доподлинно известно, что Барсук сделал порядка двух тысяч поддельных документов разного рода, прежде чем попался. Что-то я не видела караванов с этими двумя тысячами заключенных...

Сузив глаза, Пилигрим сложил руки на груди.

– Откуда ты знаешь про две тысячи документов? – спросил вдруг он, и Омарейл почувствовала вновь подкативший к горлу комок страха.

Эта информация недоступна общественности.

– А это мое дело, Пилигрим. Я же сказала вам, что кое-что знаю о Барсуке и неспроста ищу его сослуживцев. А теперь скажите мне, где я могу взять паспорт, или оставьте в покое.

Она протянула ему руку, на которой лежала подготовленная ею фотография. Он долго смотрел на Омарейл, потирая щетинистый подбородок и решая, как поступить.

– Иди за мной, глупая девчонка.

Затем он схватил снимок, резко развернулся и широкими шагами направился в сторону таверны. Он обогнул заведение, Омарейл старалась не отставать. Прошел через узкую улочку, отмахнул в сторону мокрую простыню, которая шлепнула его спутницу по лицу, и вошел в небольшой внутренний дворик. Там стоял стул и шаткий стол, в красных глиняных горшках из последних сил росли полуувядшие растения, стены с потрескавшейся штукатуркой прерывались только маленькими окнами. Напротив входа во двор была одна-единственная потертая дверь.

Пилигрим постучал, и через полминуты из-за нее вышел сухопарый пожилой мужчина с растрепанными седыми волосами. На кончике его носа чудом держались очки в тонкой золотистой оправе. Его наряд был таким же потрепанным, как и все в этом дворе.

– Здравствуй, Смог, – недовольно произнес Пилигрим и кивнул на Омарейл. – Девчонке нужен паспорт.

Мужчина, которого назвали Смогом, с ног до головы оглядел ее и произнес:

– Чем тебе своя жизнь немила?

Смог, несмотря на тщедушный вид, показался ей куда страшнее Пилигрима. Пилигрим был понятным: грубоватым, но положительным, даже если не совсем законопослушным. Смог же был полон загадок. Слишком пронизательный, слишком опасный.

– А это имеет значение? – спросила Омарейл холодно, снимая с ремня мешочек с деньгами и опуская его на стол перед Смогом.

Тот криво усмехнулся, пересчитал деньги и покачал головой.

– Тут нет и половины.

Омарейл нахмурилась. Она, разумеется, не знала расценок, но сумма, которую она выложила, другому могла показаться целым состоянием. На эти деньги спокойно можно было жить три месяца, ни в чем себе не отказывая.

У нее был припасен еще один мешочек – но его она планировала оставить на будущее, в том числе выделив часть для Бури за ее ожидание.

– Разумеется, мне следовало сперва спросить, сколько стоят ваши услуги. – Омарейл с сожалением покачала головой. – Но, вероятно, мне придется продолжить поиск. Насколько я знаю, в Утесах есть не один мастер по поддельным документам.

Смог снова криво и загадочно ухмыльнулся, будто знал что-то, неведомое другим, и развернулся, чтобы уйти.

Омарейл посмотрела на Пилигрима. Тот скрипнул зубами, метнул на нее раздраженный взгляд и окликнул своего приятеля:

– Смог, девчонка тут впервые. Не знает, что к чему. Глупый, наивный несмышлениш...

Затем он подошел вплотную к застывшему Смогу и начал что-то негромко ему говорить. Омарейл не могла расслышать и слова. Смог ответил, но Пилигриму не понравился ответ: он

начал убеждать собеседника с еще большим усердием. Наконец, Смог просто ушел, хлопнув дверью. Плечи Пилигрима опустились, а сердце Омарейл упало в пятки.

– Ты всерьез думаешь, что такой никуда не годный блеф был мудрой идеей? Бросить вызов Смогу... да без его ведома тут справка от врача не нарисуетя, не то что паспорт. Идиотка.

– Послушайте, господин Пилигрим, прекратите меня оскорблять! – Омарейл, раздосадованная тем, как все складывалось, уперла руки в бока. – У меня действительно немного опыта в приобретении нелегальных документов. Все, что я поняла, – что нашла человека, которому могу доверять. И надеюсь, что вы поможете.

– Да с чего ты взяла! – Пилигрим возвел руки к небу. – С чего ты взяла, что мне можно доверять? Я тебе не мамка и не дядя родной. Ты меня видишь впервые в жизни.

Омарейл чуть помолчала.

– Я просто чувствую, что вам можно доверять. Вы не хотите причинить мне вреда.

Он устало опустил голову на грудь. Тут дверь скрипнула, и из нее вышел Смог. Он взял со стола мешочек с золотыми, а взамен бросил какой-то сверток. Вслед за этим он неторопливо удалился в свой дом.

Вопросительно взглянув на спину Пилигрима и не получив ответа, Омарейл развязала синий шнур на свертке. Развернув ткань, она увидела новенький паспорт в коричневой кожаной обложке, в него был вложен лист, который оказался справкой об окончании школы Бурвистер в Агре. Дрожащими руками она открыла сам паспорт.

– Привет, Пилигрим. Меня зовут Мираж, – прошептала она. – Мираж Селладор.

– Сгинь во тьме, Мираж, – буркнул он.

Но Омарейл лишь широко улыбнулась. Ей было трудно поверить, что все действительно получилось: она получила паспорт. Теперь ей были открыты все двери.

Она достала горстку монет из последнего мешочка и протянула Пилигриму.

– Я думаю, вам тоже полагается вознаграждение, – произнесла она мягко.

Пилигрим обернулся, и его брови поползли наверх.

– У тебя еще деньги были? Так какого пернатого я расстилался перед Смогом?!

– Я не могла отдать их, тут немного лишних. Остальное я должна отдать Буре.

– Буре? – Голос Пилигрима упал до самых низких нот.

Казалось, он выдохнул это имя.

– Да, это она меня привезла.

– Буря. Привезла. Тебя? – проговорил он отрывисто.

Омарейл поняла, что Пилигрим знал ее.

– Вы встречались? – уточнила она.

– О да. Что ж. Ума у нее не прибавилось. Надо же было притащить сюда девчонку и опустить одну.

Омарейл стало обидно за Бурю. Та, наоборот, старалась помочь.

– Вообще-то, она не хотела меня везти, но я очень попросила. И она предложила подождать меня. И еще сказала, что я могу говорить всем, что она ждет меня у пирса, и меня никто не тронет.

Пилигрим многозначительно фыркнул, взял, наконец, протянутые монеты и пошел прочь.

– Э-э, Пилигрим, а вы меня не проводите до пристани?

Она видела, как он поднял лицо к небу, слышала, как он зарычал. Но она знала: он и так понимал, что ему придется сделать это. Совесть не позволила бы ему оставить девушку одну в самом центре Минли.

– Иди за мной, – бросил он, и они отправились к пирсу.

Шли путники совсем другой дорогой – еще более грязной и мрачной, чем та, которой воспользовалась Омарейл сначала. Пилигрим не переставал бубнить что-то себе под нос. Иногда Омарейл различала слова вроде «девчонка», «беспечность» и «идиотка».

– Вот мне оно надо? – Это он спросил достаточно четко, но Омарейл все равно сомневалась, что он ждал ответа.

Столкновение со спиной Пилигрима было неизбежным и крайне болезненным. Но не успела Омарейл очнуться, как почувствовала крепкую хватку на своей руке. Кто-то дернул ее на себя, затем обвил талию, второй рукой обшаривая карманы. Найти мешочек с деньгами незнакомцу не составило никакого труда.

Затем этот загадочный человек развернул Омарейл к себе лицом. В его руке блеснул нож. Омарейл почувствовала дрожь в коленях. Ее внутренности скрутились в тугий узел.

Рядом слышались звуки борьбы, но она едва ли беспокоилась о том, что происходило вокруг. Одно точное движение – и ей уже никто бы не помог.

Она взглянула в лицо нападавшему. Он был уродлив даже по меркам Омарейл, а она видела в своей жизни не так много человеческих лиц, чтобы было с чем сравнивать. Крючковатый нос, маленькие, близко посаженные глаза и очень широкий, пухлогубый рот, блестящий от влаги. Его губы растянулись в беззубой улыбке.

Но ей было не до его внешности: все, о чем она могла думать, – «Пожалуйста, только не убивай меня!». Их взгляды встретились, и оба замерли. Омарейл мысленно молила о пощаде, и нападавший точно услышал ее. Его рука с ножом опустилась, он сделал несколько шагов назад.

Со стороны Пилигрима раздалось неприятное хлопанье и затем – самые грязные ругательства, которые Омарейл только могла вообразить. Даже несмотря на ситуацию, она покраснела, а уши ее просто запылали от стыда.

Омарейл обернулась и увидела, как Пилигрим, точно медведь, начал двигаться к ней. В его поединке, очевидно, выиграл он. Сзади послышались суетливые шаги: тот, кто напал на Омарейл, сбежал, прихватив с собой и мешочек с солями.

Двое его подельников валялись теперь прямо посреди улицы. Один пытался стонать, второй был без сознания.

Убедившись, что новые документы остались при ней, Омарейл подошла к распластавшимся на земле людям.

– Мне кажется, им нужна помощь лекаря, – произнесла она, без удовольствия наблюдая за тем, как кровь темными сгустками вытекала из рта одного из мужчин.

– К гадалке не ходи, – отозвался Пилигрим, отряхивая руки, а затем подхватил ее под локоть и потащил вперед. – Давай поживее, если не хочешь познакомиться с местной фауной еще ближе.

Омарейл попыталась возразить, но Пилигрим был настойчив, его пальцы с такой силой сжали ее локоть, что там легко могли остаться синяки.

Наконец, они добрались до пирса. Омарейл ожидала, что ее новый знакомый проводит ее до самой лодки, но Пилигрим остался стоять у начала деревянной дорожки, что держалась на деревянных сваях и вела на добрую сотню метров вглубь речной гавани.

– Вы что, не пойдете со мной? Я так поняла, вы знакомы с Бурей. Не хотите сказать «привет»?

Пилигрим сложил руки на груди.

– Сама дойдешь.

– А Буря?

– А Буря обойдется и без «моего почтения». Иди давай. И чтобы я тебя здесь больше не видел, поняла?

– Спасибо вам большое, Пилигрим, за то, что вы для меня сделали. Вы были правы, сказав, что мне повезло встретить вас.

Он неловко дернул плечом и буркнул:

– Давай уже, проваливай, сколько можно...

Омарейл улыбнулась и пошла вдоль пирса к «Сестре», где сидела Буря и читала газету.

– Где ты взяла этого урода? – спросила она, как только Омарейл подошла к ней ближе.

Женщина даже не смотрела на Пилигрима, но и без этого было понятно, о ком шла речь.

– Этот человек мне очень помог. Он позаботился обо мне и даже избил двух преступников, которые на нас напали.

– Герой! – язвительно воскликнула Буря.

– Да, только, увы, деньги у меня украли. Но вы не волнуйтесь! – поспешно добавила она, увидев возмущение на лице женщины. – Я все равно расплачусь с вами. Просто придется немного поменять план. У меня остались серьги. Я могу отдать их вам напрямую, или мы вместе доберемся до скупки золота. Я знаю отличное местечко на улице Короля Сола.

Буря, хмурясь и ворча, приняла серьги. Какое-то время она рассматривала их, оценивая вес и качество металла.

– Там клеймо есть, – добавила Омарейл, хотя и понимала, что в такой темноте рассмотреть маленькую надпись было практически невозможно.

– Я золото отличу даже по запаху, – фыркнула Буря и жестом велела Омарейл залезать в лодку.

Рассекая черные воды Рейнфло, монотонно жужжа, «Сестра» плыла, окутанная прохладным ночным воздухом и умиротворяющей темнотой. Лунный свет рисовал вибрирующую дорожку на водной глади, на берегу множеством светлячков горели окна домов. Омарейл прижала руку к карману на груди, где теперь лежал ее паспорт, и вскоре уснула, кутаясь в предложенный Бурей платок.

IV Мираж

Мираж Селладор все свои восемнадцать лет прожила в Агре, «матери городов». Единственный ребенок в семье, она имела полную свободу во всем. Воспитание, по мнению ее родителей, сводилось к предоставлению материальных благ и коротким разговорам о бытовых проблемах. Одиннадцать лет она не слишком успешно училась в небольшой школе на окраине. Ее оценки по дополнительным предметам вроде пластики и поэзии были сносными, а вот основные предметы, казалось, давались с большим трудом.

Школа Бурвистер не славилась ни выдающимися выпускниками, ни особым подходом к образованию. Все, что требовалось от учеников в этом заведении, – присутствовать на уроках. Поэтому низкие показатели могли сделать Мираж в глазах окружающих недалекой простушкой. Но дело было не в интеллекте, а в бунтарском нраве Мираж. Ей всегда хотелось большего, она готовила себя к чему-то лучшему, чем маленькая хижина неподалеку от Бурвистера и рутинная, физически тяжелая работа. Учителям ее подход не приходился по вкусу: в этом не слишком благоустроенном районе им хотелось лишь пережить день в школе, а затем прийти домой и расслабиться на диване с хорошей книгой или газетой. Последнее, что их интересовало, – выскочки и всезнайки, повторявшие, что такая жизнь – пустая трата времени.

Достигнув совершеннолетия, Мираж получила согласие от родителей на переезд. Собрав свой скромный сундук с вещами, она отправилась на поезде в Астарар. Там она остановилась у двоюродной тетки, которая жила на Сизых островах. Место не самое удобное, но зато бесплатное.

Наконец, вооружившись паспортом и ведомостью из старой школы, Мираж пришла в Астардар, чтобы встретиться с директором.

Были летние каникулы, но она надеялась обнаружить господина Дольвейна в школе. По крайней мере, как она смогла выяснить, это были его приемные часы.

В небольшой комнате, что предвляла кабинет директора, за широким письменным столом сидела почтенная дама. Высокий ворот ее рубашки заканчивался едва ли не на подбородке, присборенный мелким воланом край прикрывал даже мочки ушей. Темные пуговицы были застегнуты до последней. Корсет платья был также целомудренным, спереди доходя до ключицы, а сзади – закрывая лопатки. Ее светло-рыжие волосы были убраны в старомодную высокую прическу с крупной шапкой из тугих кудрей на затылке и вьющейся челкой на высоком лбу. Ее лицо выдавало усталость – учитывая, что было лишь десять утра, она, должно быть, накопилась не за этот день, а за всю жизнь.

Мираж поздоровалась с женщиной и сообщила о цели своего визита.

– Надо подождать, – бросила та и кивком головы велела Мираж сесть на деревянный стул с явно жесткой обивкой.

Судя по табличке на столе дамы, это была госпожа Туттерверк, секретарь директора. Судя по газете на ее столе – заняться той было решительно нечем.

– Скажите, – произнесла Мираж, предположив, что госпожа Туттерверк была бы рада найти себе собеседника на ближайшее время. – А это правда, что тридцать процентов учеников Астардара поступают в Университет Лебрихана?

Женщина очень медленно перевела на Мираж тяжелый взгляд из-под нависших век, и Мираж тут же поняла, что пришла к неверным выводам.

– Молча подождать, – ответила госпожа Туттерверк весомо, и Мираж более не проронила ни слова.

Вообще, ей было немного странно, что некоторые люди вели себя грубо по отношению к незнакомцам. Как будто занимаемая должность или плохое настроение оправдывали их хамство. Но Мираж быстро приняла правила игры: видимо, только принцесса могла рассчитывать на исключительно вежливое и почтительное общение.

Сидеть в приемной пришлось около тридцати минут. Не зная, чем себя занять, девушка принялась считать секунды, глядя на длинную тонкую стрелку больших часов за спиной госпожи Туттерверк.

Наконец, из кабинета вышел директор. Его бодрая походка ясно давала понять, что он собирался покинуть рабочее место.

– К вам посетитель, господин Дольвейн, – буркнула Туттерверк.

Директор резко остановился и осмотрелся. Заметив Мираж, он повернулся к своему секретарю.

– Что же вы не сказали раньше? Сейчас мне нужно уйти по делам.

– Директору нужно уйти по делам, – сообщила женщина изумленной девушке. – Приходите в другой раз.

Мираж поднялась на ноги и открыла было рот, чтобы возмутиться, но директор глубоко вздохнул и довольно любезно обратился к посетительнице:

– По какому вы вопросу?

– Хочу учиться в вашей школе, – ответила Мираж, помахав документами.

Несколько секунд Дольвейн смотрел на нее, затем в приглашающем жесте указал рукой в сторону кабинета.

Внутри помещение выглядело весьма уютно. Стеллажи, заполненные книгами, кресло, обитое плотной клетчатой тканью, деревянный стол, на котором вроде бы и царил порядок, но присутствовал некий налет неаккуратности. Это была та самая намеренная небрежность, которую мог позволить себе представитель первых семей и которая лишь подчеркивала его статус.

Мираж села на стул для гостей и положила документы на стол перед директором. Он взял паспорт и ведомость и принялся их изучать.

– Бурвистер? – произнес он с легким удивлением, а затем добавил: – У нас никогда не было учеников из этой школы.

– Потому что там ни у кого больше нет амбиций, – отозвалась Мираж, пожав плечами.

Дольвейн оглядел посетительницу. Ее русые, почти серые волосы были убраны в косу. Они были заплетены с такой аккуратностью, даже педантичностью, что не оставалось сомнений: их хозяйка намеренно создавала образ прилежной ученицы. Белоснежная накрахмаленная рубашка и плотный льняной жилет темно-серого цвета еще больше подчеркивали эту нарочитую правильность. Все это так не вязалось с ведомостью, которую держал в руках директор.

– Госпожа Селладор... Астардар – одна из лучших школ Ордора, – начал он.

– Я знаю. И, поверьте, я стану для нее еще одной причиной для гордости.

– Ваши оценки говорят об обратном.

Мираж несколько секунд молча смотрела на Дольвейна, а затем рассказала о своей жизни в Агре, о том, как мечтала вырваться оттуда и как учителей раздражала ее целеустремленность.

Несколько мгновений они смотрели с директором друг на друга. В серых глазах Мираж, несмотря на холодный оттенок, полыхал огонь. В синих Дольвейна был неподдельный интерес.

Ничего на свете Мираж не хотела так сильно, как поступить в Астардар. Она желала этого всем сердцем.

– У нас есть одно место в двенадцатом классе, – сказал, наконец, директор.

Он встал и отошел к окну. Повернувшись к Мираж спиной, он долгое время молчал.

– Но вам нужно будет пройти своего рода собеседование. Или экзамен. Я хочу убедиться, что то, что вы говорите, – правда.

Мираж расплылась в улыбке.

Директор повернулся к ней и сощурил и без того хитроватые, чуть раскосые глаза.

– Если честно, мое желание принять вас основано исключительно на интуиции. Здравый смысл говорит мне, что принимать вас – неправильно. Мы дорожим репутацией школы. У нас высочайшие стандарты. Но что-то подсказывает мне, что вы должны у нас учиться.

– Спасибо, господин Дольвейн! Вы не пожалеете. Я готова пройти экзамен хоть сейчас!

– К сожалению, мне нужно идти. Кроме того, мне требуется время, чтобы подготовиться к собеседованию. Я буду ждать вас завтра в полдень.

Мираж не могла быть счастливее. Она простилась с директором, пожелала хорошего дня госпоже Туттерверк и, довольная, поспешила к Площади Салкан.

Оказавшись на середине Моста Солнца, она огляделась по сторонам – былолюдно, но никому не было до нее дела. Она перелезла через ограду и юркнула вниз, к небольшой арке, что поддерживала конструкцию. Пробравшись по мосту к подножию стен Орделиона, она быстро пробежала вдоль них к Черной башне. Та казалась мрачной даже в такой солнечный день. Нашупав нужный камень, Мираж скрылась в образовавшемся тайном проходе.

Вскоре она оказалась в покоях принцессы. Подойдя к зеркалу, Мираж взглянула на свое отражение. Глаза ее по-прежнему горели, щеки покраснелись от быстрой ходьбы. Еще она заметила, что на коже появился легкий загар – а вот это уже было не очень хорошо... Спрятав паспорт в тайник за портретом деда, она словно сняла личину Мираж Селладор и вновь стала принцессой Омарейл Эйгир Доминасолис. Дочерью Афлейн. Наследницей престола.

Переодевшись в более удобную одежду, она села за письменный стол и попыталась сосредоточиться на делах. Отец просил ее составить список покупок – они с Королевой отправлялись в Клоустен на выходные, а этот город был известен не только своими курортами, но и уникальными рынками и магазинами.

Кроме того, ей нужно было составить план занятий с учителями, сделать запись в два дневника – официальный и секретный – и ответить на несколько обращений от жителей Ордора. Те могли оставлять письма, адресованные напрямую принцессе, и она выборочно отвечала на два-три в неделю.

Но из головы никак не шли мысли о прошедшей встрече с директором. Омарейл все не могла успокоиться, ее сердце радостно стучало о грудную клетку, совершенно не давая сосредоточиться на рутине. Собеседование ее ничуть не пугало, поэтому она мысленно уже примеряла школьную форму Астардара.

Но взглянув в тетрадь, в которую записывала свои дела, Омарейл почувствовала, что земля уходит из-под ног.

Собеседование было в двенадцать. На это же время была назначена встреча с Патером Лебрихана. Берриот договорился об этом времени еще три недели назад. Патер должен был приехать в Астрар специально ради разговора с принцессой. Он хотел обсудить какой-то важный вопрос. Перенести встречу просто не представлялось возможным. Патеры управляли городами, отвечали за порядок, работали с жалобами граждан и делали все для процветания вверенной им территории. Поездка из родного города в Астрар должна была занять у покровителя Лебрихана три дня – с учетом восьмичасового путешествия на поезде, отдыха перед встречей и после нее.

Связаться с директором Дольвейном и попросить о переносе времени также невозможно.

Омарейл вскочила на ноги и начала нервно расхаживать по комнате. Как она могла забыть? Как могла так беспечно согласиться на предложенное время, даже не задумавшись о возможных планах? Что ж, когда ты всегда «у себя», трудно сразу взять в привычку сверять свои планы с расписанием.

– Ничего, я что-нибудь придумаю, – сказала она сама себе, хотя и не чувствовала необходимости уверенности.

Просто когда некому поддержать, приходится поддерживать себя самостоятельно. Слезами делу уж точно не поможешь.

Пропустить собеседование с директором она никак не могла. Это был ее единственный шанс. Разумеется, для получения желаемого опыта Омарейл могла выбрать и другую школу. Но ей всем сердцем хотелось попасть именно в Астардар.

Значит, следовало изменить время встречи с Патером. Омарейл вызвала к себе Бериота, но тот был непреклонен.

– Его поезд прибудет в Астардар только в одиннадцать. Полдень – это самое раннее время, когда он сможет посетить вас.

– Тогда что насчет двух часов дня? Это совсем немного. Он же не уезжает тут же?

– Нет, насколько мне известно, господин Сапи отправляется обратно ночным поездом.

– Прекрасно! – Омарейл хлопнула в ладоши.

По ту сторону стены царила тишина.

– Прошу прощения за вопрос, Ваше Высочество, – начал Бериот, и сердце Омарейл упало в пятки.

Она знала этот тон. Обычно такие разговоры заканчивались тем, что она чувствовала себя очень виноватой или очень глупой. Или и то и другое одновременно.

– ...но скажите, чем вызвано ваше желание изменить время встречи, которое мы обговорили с вами почти месяц назад и о котором я напоминал вам на прошлой неделе? Время, которое, по словам Патера, было бы ему особенно важно, в связи с чем он назначал встречу именно на ту дату, когда полдень был бы удобен для вас?

Бериот говорил совершенно бесстрастно, будто бы не пытался пристыдить ее, а лишь констатировал факт. Задавал вопрос, ответ на который был ему практически неинтересен.

Омарейл знала, что это лишь игра, и он прекрасно осознавал, какие эмоции вызывал у принцессы.

– Что за глупое желание встречаться именно в полдень? – воскликнула Омарейл. – Мы могли бы давным-давно поговорить с ним, если бы не это условие.

– Насколько я помню, вы уже задавали мне этот вопрос, Ваше Высочество. Ответ останется прежним: в нашей культуре полдень считается наиболее благоприятным временем для любого рода важных дел, так как Солнце, почитаемое нами за источник жизни, находится в зените.

– Я знаю, знаю! Предвзвудки!

– Я сделаю вид, что не слышал этого, Ваше Высочество, – невозмутимо отозвался Бериот. – И все же, в чем причина того, что вы хотите перенести время?

– Вам она не покажется серьезной, поэтому и упоминать о ней не стоит, – бросила Омарейл по возможности безразлично.

– И все же? Я заинтригован.

– Если мы не можем перенести, то это не имеет значения.

Повисла пауза.

– Даже если бы я хотел...

– ...а вы не хотите...

– Патер выезжает из Лебрихана ночью. Мое письмо не застанет его дома.

– Отправьте зашифрованное послание.

– Я не уполномочен использовать секретные каналы передачи информации без веской причины.

Омарейл сжала зубы от досады. Вздохнув, она сказала:

– Ладно. Я понимаю, даже вы иногда бессильны, Бериот, – еще один вздох. – Тогда, раз у нас нет другого выхода, встреча состоится, как договаривались.

Бериот некоторое время молчал, затем произнес:

– Я посмотрю, что можно сделать, Ваше Высочество. И напомните принести вам на этой неделе книгу «Психология влияния». Она поможет вам отточить мастерство манипуляции и сделать этот навык более изящным.

– Ваша настольная книга, я полагаю, – пробормотала Омарейл и услышала мягкий смешок.

Вечером того же дня ей принесли записку. Бериот сообщал о том, что поезд Патера Лебрихана сломался в пути. Господин Сапи застрял в Фостордоре как минимум до утра. С извинениями и сожалениями Советник просил перенести встречу на следующий день.

Если бы могла, Омарейл расцеловала бы Бериота, хотя ей было неприятно думать, что сломанный поезд – его рук дело.

Уже ложась спать, она подумала о том, насколько на самом деле влиятельным был, казалось бы, тихий, занудный Бериот, раз смог в такое короткое время организовать поломку поезда в другом уголке Ордора.

На следующий день, вместе с завтраком Омарейл принесли записку от Севастьяны. Та просила встретиться с ней в три часа дня. Рассудив, что собеседование не займет более двух часов, Омарейл ответила согласием.

Вновь одевшись и причесавшись со всей тщательностью, она покинула замок. До школы она добралась на конном трамвае, на этот раз мысленно отметив, что дорога заняла полчаса. Поездка оказалась приятной: день набирал обороты, солнечные улицы, казалось, были наполнены теплом и счастьем. Столица была красива. Омарейл слышала мнение, что Астрар был старомоден, а стремление сохранить его центр в том виде, в котором он существовал пять столетий, считалось антипрогрессивным и излишне консервативным. Но она была заворожена простой красотой улочек с каменными домами, маленькими скверами и перекрестками с круглыми лужайками в центре. Их обычно украшали фонтаны или скульптуры. Ей нравилось, что город был холмистый, благодаря этому порой перед взором открывались удивительные виды. Здесь много зелени, всюду можно увидеть клумбы с цветами, кусты и стройные деревья. Время от времени конный трамвай выезжал на просторные площади с красивыми архитектурными ансамблями, прекрасными старинными зданиями и уютными киосками с мороженым и газетами. В тот день, сидя в полупустом салоне и щурясь от солнца, Омарейл думала о том, что, когда станет Королевой, не позволит поменять в Астраре и камня.

Оказавшись в приемной директора за десять минут до полудня, она вопросительно взглянула на Туттерверк.

– Жди, пока позовут, – услышала она и покорно села.

Без пяти она снова подошла к столу секретаря.

– Простите, госпожа Туттерверк, вы могли бы все же сообщить директору, что я пришла. Чтобы он знал, что...

– Жди, пока позовут, – на этот раз громче повторила женщина и уткнулась в газету.

Омарейл скрипнула зубами, но села. Ровно в двенадцать она встала и прошла к двери Дольвейна.

– Куда?! – закричала Туттерверк, но Омарейл уже постучала.

– Войдите, – раздалось по ту сторону.

– Я сказала ей ждать! – заявила секретарь, залетев в кабинет вслед за Омарейл.

Дольвейн смотрел на девушку чуть насмешливо. Кивнув Туттерверк, он жестом предложил Омарейл присесть. Секретарь, гневно сверкнув глазами, вышла. Дверь громко стукнулась о косяк.

Директор приступил сразу к делу. Он задал несколько вопросов из разных сфер: проверил знания в области точных наук, литературы и истории. Омарейл, по ее мнению, отлично справилась.

– Впечатляет, – сказал Дольвейн, когда она ответила на особенно сложный вопрос.

– Надеюсь, вашей школе есть что мне дать, – заявила Омарейл, опьяненная успехом.

Дольвейн поднял бровь, заставив Омарейл смутиться. Она представила, как Бериот так же порой поднимал бровь, слыша от принцессы что-нибудь немислимое, вроде «мы можем перенести встречу с Патером Лебрихана на другое время?».

– Вы можете решить, что во мне говорит самодовольство, но на самом деле я действительно хочу получить новый опыт, не такой, как был у меня в Агре.

Эти слова смягчили взгляд директора. Вздохнув, он протянул ей листок. На нем было нарисовано девять точек, по три в ряд.

– Вы будете приняты в Астардар, если сможете соединить эти девять точек четырьмя прямыми отрезками, не отрывая карандаша от бумаги.

Омарейл внимательно посмотрела на директора, потом на листок. Медленно кивнув, она приняла задачу и карандаш.

– У вас есть столько времени, сколько потребуется. Но в любой момент вы можете просто встать и выйти, найти другую школу и счастливо превосходить там всех остальных. Дополнительные листы можете брать здесь.

Сперва казалось, что решить задачку будет нетрудно. Если решение было, то Омарейл, которая всегда любила головоломки, могла его найти.

Спустя две минуты она заявила, что выполнила задание. Дольвейн заглянул в ее листок.

– Вы не можете проводить линию несколько раз. Вниз – это одна линия, обратно вверх – это уже вторая.

– Я просто провела по одной линии дважды.

– Нет, это два отрезка, а не один. Продолжайте.

Когда первые попытки показали невозможность простого и очевидного решения, Омарейл принялась просто смотреть на точки, стараясь разглядеть в них какую-то подсказку. Затем она снова и снова начала повторять рисунок из девяти отпечатков карандаша, предпринимая попытки соединить их должным образом.

Спустя двадцать минут она спросила:

– А линия может быть прямой, но изломанной? – Она понимала, что вопрос изначально противоречил сам себе, но чувство безысходности требовало сделать хоть что-то.

– Нет, – последовал короткий ответ от директора, который был занят своими делами.

– У этой задачи точно есть решение? – уточнила она спустя час после начала.

– Да.

Он даже не поднял головы.

Время шло, Омарейл уже давно начала нервничать. Она испробовала тысячу способов, пыталась думать логически, пыталась отключить логику, пару раз ей казалось, что что-то получилось, но потом оказывалось, что нет.

Желание бросить все несколько раз достигало ее, однажды она даже с громким стуком положила карандаш на стол. Но Дольвейн взглянул на нее с немимым вопросом во взгляде, и она просто покачала головой и продолжила работу. Неспособность решить задачу раздражала ее, но бросить начатое она просто не могла. Не сейчас, когда было сделано так много.

В два часа тридцать минут Омарейл должна была уйти, чтобы успеть на встречу с Севастьяной. В два пятнадцать она все еще не приблизилась к разгадке. Ее сердце билось где-то в горле, разум отказывался работать на полную, слишком поглощенный мыслями о том, что, стоило ей опоздать, Севастьяна пришла бы в пустую комнату.

Конечно, Омарейл могла сделать вид, что была в ванной и потеряла счет времени. Севастьяна подождала бы. Но если ожидание затянется больше чем на полчаса, а от Омарейл не будет ответа, ее сестра запаникует. Все это некстати, особенно беря во внимание историю с переносом встречи с Патером. Бериот мог заподозрить неладное.

Видимо, заметив, что девушка около десяти раз за последние десять минут посмотрела на часы, директор сказал:

– Дам вам небольшую подсказку. Мыслите шире.

Омарейл перевела на него взгляд, полный ярости.

– В самом деле? Здесь какое-то нестандартное решение? – уточнила она, всеми силами стараясь не звучать слишком язвительно.

Но, судя по глумливой улыбке Дольвейна, ей это не удалось.

– Это подсказка. А как ею воспользоваться – уж ваше дело, госпожа Селладор.

Омарейл прикрыла глаза. Нельзя было поддаваться эмоциям. Она глубоко вздохнула, призвала на помощь все свое самообладание, отбросила посторонние мысли и тревоги и уставилась на девять точек. Озарение пришло внезапно. Что-то просто щелкнуло в ее голове, и она поняла, что значила подсказка директора. Начав рисовать совсем иначе, она мельком взглянула на Дольвейна. Он смотрел на листок и довольно щурился.

«Хитрый лис!» – подумала Омарейл, но на этот раз в ее мыслях не было злости. За оставшиеся пятнадцать минут ей все же удалось найти решение. Она бросила листок перед директором, сверху положила паспорт и справку из Бурвистера и, на ходу бросая: «Простите, мне надо бежать! Встретимся в первый день девятого месяца», покинула кабинет. Вслед ей раздался добродушный смех.

V

Астардар

Тот день почти всегда был солнечным и теплым, хотя дыхание осени уже ощущалось и в легком дуновении ветерка, и в шуме листвы, и в аромате воздуха, в котором безошибочно угадывался конец лета.

Но Омарейл этого не знала – или знала, но лишь со слов писателей и поэтов. Для нее осень по-настоящему начиналась только тогда, когда из окон ее башни становилось видно пожелтевшие шапки деревьев на дальнем берегу. А еще когда на столе появлялось много блюд из яблок и тыквы. И когда по ночам в замке становилось прохладно, а слуги доставали для нее пуховые одеяла.

Так было всегда, но не в этот раз.

После успешного собеседования в Астардаре ничто не могло омрачить прекрасного настроения Омарейл. Пускай она даже не догадывалась, что от нее теперь требовалось. Где ученики брали школьную форму? Откуда доставали учебники? Во сколько нужно приходить в школу? У нее еще было время разобраться с этим.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.